

Ксюша Иванова

ВСПОМНИТЬ

НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ



Ксюша Иванова

Вспомнить нельзя забыть

<https://litres.ru/74212527>

Аннотация

Зачем человеку память? Особенно память о чем-то плохом, что причиняет боль? Может лучше все прошедшее сразу забывать и жить только мечтами о будущем? И каково это, проснуться утром, не помня вчерашнего дня? А если рядом с тобой находится красивый мужчина, который тебе... муж? А если ты безотчетно его боишься? И, наконец, если при этом твое собственное имя тебе не знакомо? Если богато обставленная квартира кажется клеткой, из которой нет выхода? Смириться и жить по чужим правилам, начав с чистого листа? Или судорожно, до головной боли, до зубовного скрежета вспоминать, умирая от необъяснимой тоски и одиночества? И все-таки найти свое лекарство.... на балконе! Счастливый конец

Содержание

1. Ася.	4
2. Саша	10
3. Ася	14
4. Саша	21
5. Ася	27
6. Саша	34
7. Ася	39
8. Ася	44
9. Саша	48
10. Саша	53
11. Ася	59
12. Саша	65
13. Ася	71
14. Саша	76
15. Ася	82
16. Саша	88
17. Ася.	93
18. Саша	97
Конец ознакомительного фрагмента.	99

1. Ася.

- Асенька, девочка моя, просыпайся!

Чьи-то пальцы осторожно, будто боясь напугать прикосновением, тронули щеку, скользнули по подбородку, потом коснулись кончика носа, погладили правую бровь. Мне все еще что-то снилось, что-то теплое, как летнее солнышко, что-то близкое, знакомое... Но мозг уже пытался выбраться из липкой паутины сна, ему хотелось работать - анализировать, думать, размышлять... И первое, за что он уцепился - голос. Приятный мужской, даже, кажется, знакомый голос... Только чей?

- Кто здесь? - спросила я и открыла глаза.

В комнате было очень светло. И, возможно, именно от обилия света у меня сразу же закружилась голова. Ворвавшийся в открытое окно ветер неожиданно подхватил белоснежную штору, поднял вверх и резко опустил вниз. И вместе с этой шторой вверх-вниз скользнул мой взгляд. Перед глазами потемнело, и все исчезло...

- Ася, пора принимать лекарство.

Голос мне был уже знаком. Я вслушалась, боясь открывать глаза - мозг требовал дать ему пищу для работы и не отключать, пока "не загрузится" полностью. Ася? Это кто? Я мысленно повторила несколько раз это имя. Оно было незнакомым. Может быть, в комнате, где я нахожусь, есть и другие

люди, кроме меня и обладателя этого настойчивого голоса? И тогда он обращается вовсе не ко мне, а к какой-то другой девушке? Нет... Мне бы хотелось, чтобы ко мне! Вон он какой красивый - бархатный, правильно поставленный. "Голос, которым работают", - почему-то подумалось вдруг. Кем работают? С чего я это взяла?

А я кем работаю? А как... как меня зовут? В виски ударила волна непонятного, необъяснимого страха. Я забеспокоилась, вцепилась левой рукой (правой почему-то получилось только взмахнуть!) в одеяло, которым была укрыть по пояс, и резко села, одновременно с движением открывая глаза.

- Ты зачем, глупая? Нельзя же так!

Комната сразу же закружилась перед глазами, но крепкие руки, бережно обхватив за плечи и поддержав голову, осторожно уложили обратно на подушку. Он завис надо мною, и я с интересом уставилась на красивое мужское лицо. "Похож на какого-то актера", - подумалось вдруг. Я напрягла память, но вспомнить имя этого актера так и не смогла. Черноволосый, кареглазый, с небольшой горбинкой на носу, смуглый или просто сильно загорелый...

- Красивый...

- Чт-то? - черные брови сложились "домиком", выделив морщинки на лбу.

- Ты красивый, говорю, - повторила и ужаснулась - это мой голос? Такой чужой, хриплый, неприятный...

Он вдруг улыбнулся, Как-то кривовато, странно, будто бы

и не смешно ему вовсе было, но улыбнуться нужно, вот он и сделал то, что требовалось.

- Ничего не изменилось. Что думаешь, то и говоришь, - сказал с горечью, как будто я сделала что-то плохое.

И я вдруг поняла! Меня осенило! И я очень обрадовалась своей догадке! Конечно же! Мне сделали операцию, и я ничего не помню потому, что так на меня подействовал наркоз! Но скоро все пройдет! И я буду... что делать? Танцевать? Нет... Пить!

- Пить хочу, - прошептала, тоскливо посмотрев в его глаза.

- Да, конечно.

Если, не шевелясь, следить за его неторопливыми, уверенными движениями, оказывается, голова не кружится! Мне понравилось. И то, что не кружится голова, и то, что за ним можно следить. Одет по-домашнему - джинсовые шорты, болтающиеся на бедрах и широкая футболка, чуть коротковатая, заканчивающаяся, не доходя до пояса, и открывающая взгляду тренированный, загорелый живот с кубиками пресса. Он, приподняв мою голову, поднес к губам высокий бокал с водой, и я с жадностью выпила ровно половину. Пила бы и больше, да только он убрал, промокнул салфеткой мне губы, а стакан поставил обратно. Попросить еще я почему-то не посмела.

- А ты кто? - спросила, сгорая от любопытства. Вот если муж! Такой-то красавец!

- Марк. Твой муж.

- Да ладно? - это просто не могло быть правдой! Такой красавчик и вдруг - мой муж? Стоп! А вдруг я тоже на Анджелину Джоли похожа? Как выглядит мое лицо, я не помнила, а вот внешность этой актрисы вполне сносно представляла себе, и имя ее всплыло в голове легко - точно после наркоза отхожу! - Слушай, а можно мне зеркало, а?

Его взгляд как-то неуверенно скользнул по моему лицу, и я испугалась, поворачивала глазами, пытаюсь разглядеть шрамы или пластырь, ожоги или рубцы, но ничего такого не находя. Разве что... Под правым глазом явно был синяк! Причем огромный, на всю щеку!

- Что? Я сломала нос? Мне делали косметическую операцию? Я подралась с кем-то?

- Почему сразу нос? Нет. Ты попала под машину. Ударилась головой о бордюр. Очень сильно ударилась. И руку сломала. Ну, еще у тебя множество синяков и гематом по всему телу.

- Странно... А мне не больно совсем.

- Я даю тебе обезболивающее.

- Мне делали операцию?

- Да, в руку вставляли спицу - перелом очень серьезный.

- Вчера?

- Почему вчера? Три дня назад.

- А почему я ничего не помню?

- Врач сказал, что потеря памяти - возможное последствие

удара. Но память обязательно вернется, ты не переживай, - он настороженно взглянул в мои глаза и добавил. - А то, как ты приходила в себя с больницы, ты тоже не помнишь?

- Нет. Кажется, нет, - я пыталась найти в своей голове ответы на вопросы, пыталась вспомнить хоть что-то, что расскажет мне о том, кто я такая, что со мной случилось, и кто такой он, вот этот мужик, что как хозяин, развалился у меня в ногах, оперевшись спиной на спинку кровати и задумчиво рассматривающий меня. - Зеркало дашь?

- Нет.

- Почему?

- Ты расстроишься. Ты всегда была просто помешана на своей внешности. Я бы даже сказал, что то, как ты выглядишь, было для тебя идеей фикс. А расстраиваться тебе нельзя. И ещё... Я хочу, чтобы ты мне верила. На слово. Ты - красивая. С тобой все будет хорошо. Вот таблеточка, - легко оттолкнувшись от кровати, он вновь взял с тумбочки стакан с водой, какую-то капсулу и поднес к моим губам. Я послушно выпила. - Во-от, скоро все наладится. Все пройдет. Все будет хорошо...

Погружаясь в новый, тихий и вязкий, как молочный кисель, который, кстати, я отчетливо представляла себе, сон, я думала о том, что вот эти его последние слова я уже, кажется, недавно слышала. От него. И, может быть, даже не один раз. А еще мне казалось странным, что какого-то страха перед мыслью о том, что стала непривлекательной, я сей-

час не испытывала - больше волновал вопрос о памяти. А внешность... Ну, раз такой мужчина на мне женился, значит, я тоже должна быть ничего себе, и синяк так уж сильно не мог испортить красоту...

2. Саша

- Ну, что, дружище, скоро мы отсюда съезжаем! Так что готовься! И на следующую субботу ничего не планируй - сможешь мебель перетягивать. Так-то я грузчиков нанял, но уже там, в доме, нужно будет растащить все по комнатам, подвинуть, расставить. Хорошо хоть отсюда все не берем, Эмма только из детской хочет забрать кровати, столы, все короче. Дом обошелся дороже, чем я планировал, бабла не хватило, чтобы обставить все так, как было задумано. Тут еще вложился в новый магазин, товару купил на огромную сумму - а окупится он теперь нескоро.

- Так что, Логвинов, занять тебе? - посмеиваясь, спросил я. Деньги, которые был должен Пашке, взятые для покупки этой квартиры, я вернул перед их с Эммой свадьбой. Точнее, перед тем, как они решили отметить свою женитьбу - расписались-то в тайне ото всех и без гостей и свидетелей.

- Ой, Санек, не смей меня! Сколько ты мне занять сможешь? На телевизор разве что! Там, блядь, гаража нет практически - один фундамент только. Двор плиткой мостить нужно. В доме второй этаж не отделан совсем. Мебель пока только в нашей спальне, кухне и гостиной имеется. Вот в детскую и прихожку отсюда заберем. Зачем я, спрашивается, свою квартиру с мебелью продавал? Надо было хотя бы телек оттуда забрать! Ну, правда, она тогда бы и стоила дешевле...

- Так и не переезжали бы пока, - я достал из шкафчика бутылку коньяка, подаренного моей постоянной клиенткой Александрой, Шурочкой, женщиной приятной во всех отношениях. - Доделали бы ремонт, а потом...

А что, мне очень нравилось, что они здесь, рядом со мной, живут - как родные стали! Но Пашка смотрел на меня, как на последнего идиота!

- И сколько я по-твоему могу с женой спать в практически проходной комнате? Я спальню нормальную хочу! И кровать нормальную! А не диван, который того и гляди развалится...

Я промолчал, с какой-то необъяснимой тоской представив себе, как мой друг обнимает Эмму (приходилось частенько это видеть, мало того, что в одном доме живем, так практически каждые выходные встречаемся - то шашлыки у Пашкиных родителей, до дни рождения детей, то просто пива попить собираемся). Она в такие моменты обычно смущалась, краснела и опускала глаза, но никогда не отстранялась, наоборот, расслабленно откидывалась на его грудь. От моего взгляда не укрывалось выражение лица друга в такие моменты, то, как он на секунду прикрывал глаза от удовольствия. И я завидывал... И ругал себя последними словами за то, что не попробовал, не рискнул тогда, а ведь мог! Но ответственности испугался! Трое детей - это вам не шутки!

Правда, и дети у них были замечательные! Особенно Полинка! Ей ничего не стоило залезть ко мне на колени и дернуть за нос! Но при этом я с удовольствием ей его подстав-

лял... И просто млел от ощущения теплого юркого тельца в своих руках, от яблочного аромата ее волос, от детской примитивной ласки, когда теплой, немного грязноватой ладошкой по щеке... Млел... Но никому не признавался в этом.

Выпив ставшие традиционными по субботам у нас с Пашкой три стопочки коньяка в это время, я наотрез отказался спускаться к ним на обед, а вышел подышать на балкон.

Оттуда понаблюдал за возней малышни на детской площадке, за копанием в моторе новой "Лады Калины" соседа по подъезду Артема. Долго боролся с собой, но пачка сигарет из стратегического запаса все-таки была вытащена. Первая затяжка выдавила блаженный вздох из моих легких, как в первый раз приятным головокружением отозвалась голова – как же давно я не курил! Сверху вдруг раздался звонкий девичий голосок:

- Эй, там внизу! Можно вас попросить...
- Да-а, - расслабленно протянул я, затягиваясь снова.
- Вы не могли бы чуть-чуть влево подвинуться?

«Судя по голосу, лет двадцать» - вяло и без интереса подумал я.

- Зачем? – спросил, не шевельнувшись.
- Дымом пахнет.
- Хм... да щас я уже заканчиваю и ухожу!

Что за времена, блин, нигде от этих поборников чистоты воздуха нет покоя! Скоро покурить можно будет только под одеялом в собственной спальне!

- О, нет! Вы не поняли! Мне, похоже, тоже покурить хочется... Короче, подвиньтесь влево немного, ваш дым так приятно пахнет!

Я с сомнением и какой-то патологической жадностью посмотрел на только что распечатанную пачку. Но оборвал себя и вытащил сигарету.

- Будешь курить? Я поделюсь, - подняв глаза вверх, стал думать, как бы ей эту сигарету на балкон просунуть.

- Э-э, нет. Мне, наверное, нельзя.

- А что так? Мама поругает?

- Мама? Ма-а-ма, - задумчиво протянула девушка. – Мама! Ой!

У нее что-то упало, потом послышался звук открываемой балконной двери. Ушла? Потом словно что-то ударилось о стену, раздался негромкий, но болезненный стон...

- Ты жива там? – не сильно-то беспокоясь, так, для поддержания разговора, спросил я.

- Ну как сказать, - она говорила почему-то громким шепотом, словно нас кто-то мог услышать. - Скорее да, чем нет. Слушай, мне тут нужно внутрь... Ты можешь сегодня в... часов в одиннадцать снова покурить на балконе?

- Ну-у, могу...

- Я буду тебя ждать...

3. Ася

Распорядок моей жизни был однообразен и скучен. Рано утром приходил Марк и будил меня. Мне казалось, нет, я была даже уверена, что он не ночует здесь, со мной. И еду не готовит, а приносит откуда-то. Почему я так думала, даже объяснить себе толком не могла, не успевала в коротких промежутках между провалами сна...

Покормив с ложечки, Марк своими руками вкладывал мне в рот нужные таблетки и уходил на кухню. Я послушно глотала, почему-то боясь пролить воду или не успеть. И не понимала, откуда во мне появился и почему живет вот этот странный и необъяснимый страх перед мужчиной, который мне ничего плохого не сделал.

Мне хотелось подумать. Но лекарства делали свое дело - веки тяжелели и закрывались, погружая меня в сон. Один день от другого я отличала по одежде Марка - внимательно рассматривала ее в то время, когда он меня кормил, и запоминала. Почему-то мне казалось очень важным помнить, сколько дней я осознаю себя, чувствую себя человеком.

Я засыпала еще до того, как в кухне прекращался грохот моющихся тарелок.

В обед Марк приезжал с работы снова, чтобы меня покормить... Следующее пробуждение происходило уже вечером. Причем, снова не я сама просыпалась, а он меня звал, и толь-

ко тогда мои глаза открывались.

В короткие минуты бодрствования я пыталась выяснить у человека, называющего себя моим мужем, что-либо. Спрашивала об обстоятельствах несчастья, со мной произошедшего, о том, что говорят врачи, о родственниках, которые, как я понимала, должны были у меня быть. Я спрашивала. Только язык мой был непослушен, мозг соображал медленно, и сами мысли напоминали растопленную карамель, тянущуюся за ложкой.

Иногда в моменты какого-то просветления из глубин подсознания выплывали лица и имена. Я пыталась описать этих людей Марку, но он смотрел на меня недовольно и делал вид, что ничего о них не знает.

То, что он именно делает вид, то есть обманывает меня, я поняла не сразу. До меня вообще очень плохо "доходило". И иногда я сомневалась, где настоящее - в этой комнате с Марком или во снах, ярких, странных, но совершенно незапоминаемых мною.

В обед третьего дня Марк, как обычно, положил мне в рот таблетку и потянулся за стаканом с водой. Именно в этот момент где-то в другой комнате зазвонил его телефон. И, наверное, это был очень важный для него звонок, потому что обычно Марк помогал мне запить лекарство, но в этот раз просто сунул в руку стакан и чуть ли не бегом бросился прочь из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь.

Стакан, неожиданно оказавшийся у меня, показался

очень тяжелым, рука дрогнула, проливая воду на одеяло, которым я была укрыта, на ночную рубашку! От неожиданности и испуга я поперхнулась, кашлянула и таблетка, выскочив изо рта, улетела куда-то далеко. С трудом дотянувшись до тумбочки, чтобы поставить стакан, я приподнялась на кровати и внимательно осмотрела пол, но нигде не увидела злополучную таблетку! Может быть, она под шкаф закатилась?

С сомнением смерив взглядом расстояние до шкафа, я подумала, что столько сил, чтобы хватило до него добраться, у меня просто нет! И решила сказать Марку, когда он вернется, чтобы дал мне другую таблетку взамен этой.

Увидев меня мокрую он был не доволен. Нет, он был в ярости!

- Ася! - закричал, стягивая с меня одеяло. - Ты точно ребенок неаккуратная! Между прочим, у меня куча дел! Мне некогда с тобой возиться. Я и так все забросил из-за тебя! Как ты умудрилась облиться?

Мне было стыдно. И даже немного страшно - его красивое лицо побагровело, последние слова цедились сквозь зубы, а на виске бешено билась жилка. Сказать о таблетке я просто не рискнула. Как не рискнула и как-либо оправдаться.

Сменив пододеяльник и махнув рукой на мою мокрую рубашку, Марк буквально сбежал на работу. Я легла в кровать и оттуда слушала, как повернулся ключ в замке входной двери.

Я не хотела спать...

С трудом переборов головокружение, поднялась с постели и встала рядом, держась одной рукой за стену - память, похоже, возвращаться не собиралась, и нужно было ей как-то помочь.

Первым делом подняла вверх ночную рубашу и осмотрела тело. Синяков было много - на лодыжках, на коленях, на бедрах и даже с внутренней их стороны. При надавливании они болели, стоять было тяжело - ноги ныли, колени подгибались, к горлу подкатывала тошнота, хоть съела я всего лишь несколько ложек лапши на курином бульоне.

На животе расплылась синюшная с желтоватыми краями гематома, растекающаяся от пупка влево, размером с два моих кулака. Весь живот ощутимо болел. Прикоснуться к нему было невозможно.

Очень хотелось найти зеркало и посмотреть на свое лицо. Но тело стремительно уставало, голова, как на каруселях, кружилась, и я с трудом фокусировала взгляд. Ноги быстро тяжелили, и чтобы не упасть, я побыстрее улеглась обратно в постель. Лежала долго, набираясь сил и решимости попробовать ещё. Во второй раз процесс шел значительно быстрее.

Четыре шага до балконной двери. "Странно, - подумалось так, будто я что-то в этом понимала. - Почему выход на балкон находится в спальне? Он же в зале, в гостиной, должен быть? "

Дверь легко поддалась. Я медленно выползла на балкон,

цепляясь здоровой рукой за все, что попадалось на пути. И остановилась, с наслаждением вдыхая уличный воздух - окно на балконе было открыто.

Вновь вернулось головокружение, и чтобы не упасть, я осторожно сползла по стеклянной двери вниз и уселась на пол. С моего места был виден клочок голубого неба с большими белыми облаками! На еле различимой высоте носились ласточки. Внизу во дворе слышался детский смех, чьи-то разговоры и хлопанье машинных дверей. Накатила страшная тоска, желание выбраться туда, к людям!

Снизу потянуло сигаретным дымом. Как Рокфор из мультика про Чипа и Дейла, я буквально завращала глазами и, наверное, настопорила бы усы, если бы они у меня были (надо же, мультик помню!)? От этого аромата, от безумно приятного ментолового запаха, у меня слюной наполнится рот. Только мне казалось, что человек на балконе подо мной стоит немного справа, поэтому дымок утекает в сторону. А хотелось бы, чтобы ко мне. Только самой подвинуться не было сил. И, не отдавая себе отчета, забыв, что нужно как-то возвращаться в комнату, я проговорила:

- Эй, там внизу! Можно вас попросить...
- Да-а, - раздался приятный мужской голос.
- Вы не могли бы чуть-чуть влево подвинуться?
- Зачем? – спросил мужчина скучающим тоном.
- Дымом пахнет.
- Хм... да щас я уже заканчиваю и уйду!

Ответил недовольно, чуть растягивая гласные. Да он же, наверное, подумал, что мне дым мешает - не сразу, но все-таки дошло до меня.

- О, нет! Вы не поняли! Мне, похоже, тоже покурить хочется... Короче, подвиньтесь влево немного, ваш дым так приятно пахнет!

Он помолчал немного. Но, видимо, все же подвинулся, потому что дымком потянуло сильнее.

- Будешь курить? Я поделюсь, - снова раздался снизу приятный голос с легкой хрипотцой. Я подумала, что стала равнодушной к голосам. "Может это из-за того, что целый день лежу одна в комнате?" - мысленно объяснила сама себе.

- Э-э, нет. Мне, наверное, нельзя.

- А что так? Мама поругает?

- Мама? Ма-а-ма, - почему я раньше не подумала о ней? Почему о маме не спросила Марка? Образ мамы крутился у меня в голове. Мне казалось, вот-вот, еще немного, и он предстанет перед моим мысленно взором, и я вспомню, какая она - мама! Я не заметила, как, разволновавшись, подхватила на ноги, зацепилась загипсованной рукой за ручку двери, дернула, задохнувшись от резкой боли, ногой задела край круглого мягкого коврика на полу, и еле успела ухватиться за стену, чтобы не упасть. - Ой!

Непроизвольно сделав шаг к краю балкона, взглянула вниз. Этого, наверное, делать было нельзя - мир бешено закружился перед глазами. Но до того, как их зажмурить, я

успела заметить большую серебристую машину и Марка возле нее. Неужели он еще не уехал? Или, наоборот, забыл что-то и вернулся? Почему-то стало страшно, и я рванула что было сил в комнату, ну как рванула... поковыляла вдоль стены, стараясь не потерять сознание в пути. Уже закрыв балконную дверь, вдруг подумала, что Марк уходит по вечерам, а этот мужик внизу... он ведь здесь живет? Значит, может знать что-то обо мне! Чуть приоткрыв дверь, снова высунула голову на балкон.

- Ты жива там? – донеслось снизу.

- Ну как сказать, - шепотом, не понимая, может ли Марк с такой высоты услышать мой голос, но откуда-то точно зная, что ему нельзя показывать, что я сюда выходила, что разговаривала с кем-то, сказала. - Скорее да, чем нет. Слушай, мне тут нужно внутрь... Ты можешь сегодня в... часов в одиннадцать вечера снова покурить на балконе?

- Ну-у, могу...

- Я буду тебя ждать...

4. Саша

- Слушай, Мариша, мне пора уже, - я буквально вырывался из цепких женских ручек, что, словно дикий плющ, обвились вокруг талии. - Лампочку вкрутил, розетку починил, а люстру повешу сразу, как только ты её купишь.

- Саш, а помоги мне выбрать... - пальчик с длинным красным ногтем прошелся по моей шее, легко царапая кожу.

- Что? Люстру?

- Нет, дурачок, помоги мне белье выбрать под новое платье... Заодно и платье само посмотришь...

Я тяжело вздохнул. Нет, ну, конечно, совсем уж бескорыстным человеком я не был - с моей работой-то! Но не настолько уж жаден, чтобы за лампочку и розетку заставлять женщину с собой спать!

- Слушай, Марина! Мы с тобой соседи?

- Да-а-а, - промурлыкала она, прижимаясь еще крепче. - По подъездам...

- Ну-у, считай, что я тебе по-соседски помог. И не надо вот этого... всего! - решительно отодвинулся и начал собирать инструменты.

- Рожков, ты офигел? Между прочим! Между прочим, я розетку эту дебильную специально расшатывала! А он...

"В каком-таком смысле специально? - не сразу допер я. - Могло же и током шандарахнуть!" Но потом дошло, накрыло

понимание - она лампочкой своей и розеткой дурацкой меня к себе заманивала! Вот оно что! И не то, чтобы она мне не нравилась - симпатичная, фигуристая, чуть полненькая, ухоженная Марина была вполне в моем вкусе. "Так а чего тогда ты, Сашенька, ломаешься, как девочка? Бери, пока само в руки идет!" Аккуратно сложив свои вещи в удобный, стоявший в свое время немалых денег, чемоданчик, я выпрямился и осмотрел Маришу совсем другим взглядом - с интересом оглядя ее выпуклости под обтягивающим платьем.

- Специально, говоришь? Ну, тогда... Тогда тебя не помещало бы наказать! За порчу розеток! Раздевайся!

... О странной просьбе девчонки с верхнего балкона я совершенно забыл - не до этого было. Марина оказалась очень страстной женщиной, и только к половине двенадцатого, сославшись на ранний подъем с утра, я с трудом сумел от нее сбежать - выжатый, как лимон, уставший, будто разгрузил вагон кирпичей, с абсолютным штилем в штанах.

Поднимался к себе в затихшем доме и думал, что, наверное, остепениться уже пора. Вон у Пашки четвертый ребенок намечается, а мы с ним, между прочим, ровесники! Еще чуть-чуть и старость... Мать достала, требуя, чтобы нашел себе кого-нибудь и женился наконец. И если еще пять лет назад я и думать об этом не хотел - меня вполне устраивала свободная жизнь и необременительные отношения с противоположным полом, то переехав сюда и познакомившись с Эммой, впервые задумался об обратном.

Мелькнула мысль жениться на Марише. А что? Свободная девушка средних лет, с квартирой, с машиной, с работой высокооплачиваемой, симпатичная - уговаривал я сам себя. Затрахаёт только до смерти во время медового месяца... А может, она давно мужика не видела, поэтому сегодня так и усердствовала? Но только представив себе, что каждую ночь буду проводить с ненасытной Маришей, скакавшей на мне три часа напролет, я ужаснулся и постарался выбросить эту идею из головы.

"Хрен с ним, с душем! Завтра утром перед работой помоюсь!" - подумал, расстилая кровать. В окно ярко светила луна - полнолуние, бяда! Опять всю ночь этот свет донимать будет - жалюзи повесить все никак не доходили руки, хоть я их и купил еще три месяца назад, а ночных штор у меня попросту не было.

- Е-мое! Я ж в одиннадцать должен был...

Хотелось только одного - упасть в кровать. Но, вспомнив о назначенном мне девчонкой-курильщицей свидании на балконе, я сразу же подумал и о сигаретах. Тут же дико захотелось покурить. Схватив пачку, я чуть ли не бегом бросился на балкон, на ходу запихивая сигарету в рот. Затянулся, оперевшись на перила - в отличие от балкона девчонки, мой был пока не застеклен. И, бездумно разглядывая притихший двор, получал настоящий кайф.

- Пришел? - чуть слышно донеслось сверху.

От неожиданности, словно меня застучали за чем-то за-

прещенным, дернулся. Сигарета, описав дугу, полетела вниз, ровно на детскую площадку, поближе к качелькам! (Завтра бабки нотацию читать будут - они каким-то непостижимым образом легко вычисляли хозяина окурка!)

- Ты это... извини, что к одиннадцати не успел. Занят был. Работа... - почему-то решил отчитаться перед ней, сам себе удивляясь.

- Да ничего, я не в обиде. Слушай, а меня Ася зовут?

Я думал мне послышалось. Она у меня сейчас спрашивает СВОЕ имя? Покашлял через силу, выудил из коробки еще одну сигарету и, засунув в рот, задал встречный вопрос:

- Может и Ася, откуда ж мне знать?

- Ну ты же здесь живешь?

- Я-то здесь, - затаился, прикрывая от удовольствия глаза.

- А я?

- Я вот сейчас чего-то не понял. Ты прикалываешься надо мной? Что за вопросы такие... дурацкие? Откуда мне знать, вообще, где ты живешь? Я тебя в глаза не видел!

Она помолчала некоторое время, переваривая информацию, а потом задала еще один крышесносный вопрос:

- А кто тогда в моей квартире живет?

- Чего? - прикольно, "кто живет в её квартире"! И что я должен на это ответить? Мне даже стало смешно! - Ну ты, наверное.

- Та-ак, - протянула она, словно учительница нерадивому

ученику, который сказал пусть одно, но верное слово. - А я кто?

- Ты? Девушка? Привидение? Головная боль? Слушай, мне спать пора, пойду я...

- Нет-нет, - в её голосе была такая паника, что я, было дернувшийся к двери в квартиру, остановился. - Пожалуйста, поговори со мной еще немного!

- Если только ты не будешь больше задавать такие дурацкие вопросы.

- Ладно, - она помолчала, видимо, придумывая что-то новенькое, а потом сказала. - Если я спрошу твое имя, это будет нормальный вопрос?

- Александр, Саша.

- Саша...- повторила она вслед за мной своим нежным голосом и мне почему-то нестерпимо захотелось ее увидеть. Что было, по сути, странно - зачем она мне?

Я задумался. В квартире надо мной, вроде, никто не жил. Во всяком случае шума над собой я никогда не слышал.

- Почему ты не ложишься спать?

- Наверное выпалась за предыдущие дни... Если честно, очень боюсь, что засну, и все вернется обратно - снова сообщать перестану, буду в полусне своем существовать. Я теперь совершенно точно уверена, что он специально дает мне таблетки, чтобы я все время спала. А зачем? Разве так лечат потерю памяти?

Вторая сигарета, недокуренная совсем немного, выпала из

моих пальцев и полетела во двор. Я пытался осознать услышанное, но не мог.

- Ты потеряла память?

- Да. Он говорит, что попала под машину и ударилась головой.

- Кто это он?

- Он говорит, что муж.

Моя челюсть отвалилась второй раз. Муж? Судя по голосу, я бы сказал, что она - совсем девчонка еще!

- А сколько тебе лет?

- Не помню. Представляешь, я нашла зеркало! И это очень странное чувство, когда смотришь на себя саму, и... и не узнаешь.

Я не мог не спросить:

- И какая ты?

5. Ася

Какая я? Когда увидела Марка, то сразу подумала о том, что он красивый. А вот о себе я так определенно сказать не могла.

- Ну, я худая. Волосы длинные. Глаза голубые. Лицо приятное, вроде бы... А еще у меня, представляешь, татуировка на плече! Цветок какой-то...

Тогда в обед, увидев Марка с балкона, я успела добратся до кровати, залезть под одеяло и сделать вид, что крепко сплю. И когда он пришел, по всей видимости, выглядела также, как и всегда - я чувствовала на себе его взгляд некоторое время. Потом он прошелся по комнатам, как если бы что-то искал и ушел вновь, заперев за собой входную дверь. Подождав некоторое время, вдруг еще раз вернется, я поковыляла в ванную и первым делом посмотрела на себя в зеркало и только потом подумала о том, как же сильно мне хочется помыться - волосы были спутанными и висели сосульками. Да и все тело ощущалось, как грязное, хоть таким и не выглядело. Я с ужасом подумала о том, что, может быть, Марку приходилось меня мыть - в последние дни, с того момента, как я стала понимать, запоминать происходящее со мной, и у меня перестала дико кружиться голова каждый раз, когда я открывала глаза, он, приходя, относил меня в туалет на руках, усаживал, задрав ночную рубашку на унитаз и

только тогда уходил. И это было унижительно и стыдно. Но больше этого стыдно мне было от мысли, как отправление естественных потребностей происходило до этого, в то время, которое в моей памяти не осталось, - он выносил все это за мной или вообще мыл меня после... О, ужас! Как же стыдно! Но я могла только предполагать, потому что не помнила об этом совершенно. Мыться не стала, потому что понимала, что Марк сразу поймет...

- Роза?

Он о цветке?

- Нет. Не роза. Что-то маленькое такое голубенькое... Незабудка что ли? Смешно, да? Незабудка у того, кто все забыл!

- Нет ну, хоть что-то же ты помнишь? Как в этой квартире оказалась, аварию саму?

- Бывает что-то такое мелькнет в голове... Вот будто бы лицо чье-то, образ какой-то или место, но я не успеваю даже запомнить, как тут же исчезает! И так сразу грустно, так больно становится, будто что-то важное упустила. Ты вот сегодня у меня про маму спросил, я до самого вечера мучилась, пыталась ее вспомнить. Я знаю, чувствую, что она есть у меня. А может, так мне только кажется. Вот как можно забыть собственную мать?

Я говорила и чувствовала, как подступают слезы - так было жаль себя.

- А почему тогда она к тебе не приходит? - задал вполне

резонный, но не приходивший в мою голову до этого вопрос, Саша.

- Я и сама об этом думаю... Почему вообще никто не приходит - ни врачи, ни родственники? Я уже три дня жду...

- А муж что говорит?

- Говорит, что я выздоровлю, и все сама пойму. Но знаешь, Саша, мне странным кажется, что он меня снотворным поит.

- Ася, ты уверена, что это - снотворное? Может быть какое-то лекарство... Ну для восстановления твоей памяти, например? А у тебя еще какие-то повреждения есть?

- Рука сломана. На животе гематома огромная, и так... синяки, ссадины.

- Больно?

- Немного... Я таблетки вечером не выпила. Наверное, там и обезболивающее было, вчера ничего не болело, сегодня нет все...

- Хочешь, я поговорю с твоим мужем?

Не знаю почему, но услышав Сашин вопрос, я испугалась. Мне подумалось, что Марк очень разозлится. Во-первых, за то, что я выходила на балкон, а значит, не принимала таблетки. А во-вторых, за то, что в чем-то подозревала его и рассказывала об этом совершенно постороннему человеку. Я совершенно не воспринимала Марка, как мужа. Он был для меня совершенно чужим, малознакомым человеком. И чем дольше я думала, а больше в квартире этой делать мне было нечего, тем явственнее мне казались нестыковки и странно-

сти его поведения и самой ситуации, в которой я оказалась. Почему я не в больнице? Разве могли выписать и отправить домой человека, у которого настолько плохо с памятью, как у меня? Почему он ничего не объяснит мне, не расскажет? И где, в конце концов, другие люди, не могло же быть так, чтобы во всем мире у меня был из родственников только один муж? И почему он уходит вечером, скормив мне очередную порцию непонятных таблеток? Почему в этой квартире вместе со мной не ночует? И кто готовит для меня еду? Вопросов было много, ответов не было совершенно...

- Нет. Не говори ничего. Он будет очень зол! Это глупо, конечно, человек заботится обо мне, помогает... А я, неблагодарная, его подозреваю в чем-то. И, вообще, я ни в чем на уверена. Порой думаю, что все это мне может просто казаться. Очень этого боюсь... Больше всего боюсь, что схожу с ума и все выдумываю.

Я замолчала, и он молчал тоже. И мне стало стыдно - держу здесь на балконе чужого человека, разговорами, проблемами своими нагружаю. А у него может там, в квартире, жена и дети.

- Саш, спасибо тебе, что слушаешь весь этот бред. Я тебя задерживаю, наверное. Да и я замерзла - одежды здесь никакой нет. Вот покрывалом с кровати укрылась, а ногам холодно... Пойду я.

Я взялась за ручку двери со странным чувством... осознанием собственной ненужности. Но услышала снизу:

- Ася?

- Что?

- Завтра в одиннадцать буду ждать тебя...

...Я больше не принимала лекарства. Точнее, послушно брала в рот несколько таблеток, осторожно глотала воду, стараясь изо всех сил инстинктивно не проглотить вместе с ней и внушающие мне страх лекарства. А потом, когда Марк выходил из комнаты, быстро доставала и прятала сначала под подушку, а потом, оставшись одна в квартире, просто смывала в унитаз слегка раскисшую горькую гадость... И пусть все тело болело, особенно рука и живот, и пусть кружилась голова, но буквально с каждым часом я чувствовала себя лучше и лучше - да, память не возвращалась, но я прямо-таки ощущала, как легко и ясно соображаю, как четко размышляю, как замечательно думать и как, одновременно с этим, страшно ничего не помнить.

Вечером, после очередного "пробуждения", Марк сказал:

- Ася, ты ничего не вспомнила?

Я изо всех сил старалась не показать своей радости - сам заговорил, может быть, сейчас он мне все объяснит! Отрицательно покачала головой.

- Ты только не волнуйся. Я тянул, сколько мог. Все надеялся, что ты придешь в себя, с памятью наладится как-то. Но дальше ждать нет смысла. Асенька, мы с тобой владеем заводом.

Я вскинула на него изумленный взгляд - совершенно не

ожидала ничего подобного.

- Заводом?

- Да, по производству низковольтной аппаратуры для электрических подстанций. По сути, этот завод - мое наследство от отца, но документы все оформлены на тебя - я собирался попробовать себя в государственной структуре, на выборы хотел пойти, поэтому и сделал все бумажки на жену. Но ты никогда бизнесом нашим не интересовалась. Занималась собой, домом, по салонам ходила...

Его слова о заводе, а значит, о вероятном богатстве, не произвели на меня особого впечатления. А вот новость о том, что я занималась ДОМОМ, да!

- Мы жили... живем в доме?

- Да, Ася, в доме.

- В большом?

- В большом. Но это не важно...

Я не дала ему продолжить:

- Марк, а почему я не там сейчас нахожусь? Может быть, в родных стенах я быстрее смогла бы вспомнить.

Он повел себя как-то странно - яростно сверкнул глазами, как будто бы я сказала что-то совершенно неприемлемое, шепнул что-то типа мата и ответил:

- Эта квартира ближе к месту работы. Мне так проще за тобой ухаживать.

Мне казалось, ему не нравится все, что я говорю - его тон, выражение лица... "Наверное, он ждет от меня совершенно

других ответов!" - вдруг озарило меня. Не зря же поит лекарствами разными - после них я была заторможенной и совершенно ничего не соображала. А сейчас вдруг вопросы задаю. И хоть так и подмывало спросить: "Если мы с тобой такие богатые, почему ты для меня не наймешь сиделку?" Я сказала другое:

- Понятно, - и добавила, подумав. - Спать хочется.

Потом, после ужина и "приема" таблеток, я изо всех сил притворялась спящей и смогла услышать доносящиеся из кухни обрывки разговора Марка по телефону:

- Да... Как будто все понимает. Нет. Пьет. Ты говорил, что быстро! Уже больше недели пичкаю, а все никак. В общих чертах рассказал. Ну не могу я! Понимаешь? Не хочу! И никогда не хотел! Это твоя идея была! А если она ничего не помнит, как сможет расписаться правильно? Да еще и правая сломана! Еще пару дней потерплю и привезу бумажки - заставлю подписать и все! В том-то все и дело...

Дальше стало совсем неразборчиво, потому что Марк, видимо, заметил, что дверь в мою комнату слегка приоткрыта и захлопнул ее. Но и услышанного мне вполне хватило для того, чтобы волосы на голове зашевелились от ужаса! До одиннадцати часов я считала минуты...

6. Саша

Моя бабушка обожала разгадывать сны. И ещё предсказывать на картах, что ждет меня, во времена ее жизни еще совсем зеленого пацана, в ближайшем будущем. Это сейчас я понимаю, что часть ее предсказаний была далека от реальности, а делалась исключительно в воспитательных целях. Но тогда верил каждому слову.

Из ее перлов:

- Маша, наш Сашунечка сегодня во сне жабу увидел! Точно тебе говорю, что ждет его падение с большой высоты! Жаба наквывает падение-то!

Мама ужасалась. Я был в шоке - предсказание звучало именно тогда, когда мы с ребятами собирались пойти на заброшенную стройку, то есть возможность этого самого падения была не исключена. Мне было невдомек, что парализованная по пояс бабуля весь день сидела под окном в кухне нашей квартиры на первом этаже. А мы с друзьями на скамейке под этим окошком обсуждали свои планы...

Этой ночью мне снилась жаба. Огромная. Бородавчатая. Зеленая. Она отвратительно квакала, хрипло и раскатисто, заставляя меня даже во сне передергиваться всем телом от отвращения. А потом она прыгнула в мою сторону, желая то ли забрызгать своей бородавчатой струей, то ли просто сожрать. Я отступил - резко и быстро. И упал! Упал, как пред-

сказывала когда-то бабуля, спиной вперед и с огромной высоты. И летел, летел, крича от ужаса.

Сон этот дурацкий забылся ровно в тот момент, когда утром я открыл глаза.

А сейчас он вспомнился. И как ему не вспомниться, если я лез на дерево? Если без страховки, стараясь не смотреть вниз, я уже находился на уровне своих окон! А они-то на третьем этаже! И как я позволил себя уговорить? Как? Просто снизу казалось, что на дереве веток много - забраться не составит труда, а рыжая скотина сидела намного ниже. Это потом кот начал подниматься...

Внизу под деревом на разные голоса горланила детвора:

- Кисонька, маленький, на бойся!

- Рыжик, сейчас дядя Саша тебя спасет!

Но громче всех пищала Полинка:

- Дядя Саша, давай быстрее! Он уже не может терпеть!

Слышишь, как визжит?

Вверху в развилке между ветвями раскидистого тополя то ли застрял, то ли просто сидел испугавшийся высоты дико орущий свои кошачьи маты рыжий кот-подросток. Я матерился тоже. Пока про себя - все-таки внизу дети! Но чувствовал, что скоро уже начну и вслух!

Когда до кота оставалось совсем немного, эта скотина зачем-то выползла из развилки и, распластавшись по ближайшей ветке, по-пластунски поперла от ствола к тонкой ее части! Все также визжа на весь наш двор, кот полз на верную

смерть.

Дети надрывались внизу. Я осторожно, чтобы снизу было незаметно, дал задний ход, понимая, что тонкая ветка меня точно не выдержит. И в этот момент окно на балконе, том самом надо мной, где жила странная девушка Ася, распахнулось.

Это, конечно, была она. Только совсем не так я представлял себе девушку... Да я вообще никак ее себе не представлял! Она высунулась почти по пояс, протянула левую руку к ветке, на самом конце которой на передних лапах висел кот-самоубийца и что-то стала говорить этому придурку.

Я видел, как шевелятся ее губы, но не слышал слов. Я забыл о коте. Я забыл о детях. Я забыл закрыть распахнувшийся от удивления рот. Она была очень красивой. Стянутые в узел на затылке черные волосы выбивались тонкими прядями и обрамляли лицо. Я рассматривал бледное личико с пухлыми губами, ласково и, как по мне, очень эротично выговаривающими "кис-кис", маленький аккуратный носик, черные, дугой изогнутые брови. Со своего места, с расстояния всего лишь в метр наверное, я даже цвет ее глаз разглядел - они были синие. Не голубые там - бледные, бесцветные. А именно насыщенно синие! Я даже начал придумывать сравнение, насколько именно синие были у нее глаза, но в этот момент debil-кот, устав висеть на ветке, оборвался, и упал ровно ей в ладонь, по инерции вцепляясь всеми когтями в тонкую кожу.

Асино личико искривилось - больно! И мне почему-то захотелось собственноручно выкинуть с балкона этого вшивого дурака, посмеявшего причинить боль такой красавице.

Она прижала кота к своей груди, едва прикрытой тонкой тканью ночной рубашки и подняла взгляд на меня. В огромных синих озёрах я видел слезы, готовые вот-вот пролиться. Длинные ресницы подрагивали, брови чуть сошлись к переносице, создавая на лбу горестную складочку морщинок. Мой взгляд скользнул по загипсованной правой руке, прижатой к телу, по синяку под правым глазом, по ссадине на лбу... Если бы она не сказала, что попала под машину, я бы, наверное, подумал, что ее избили.

- Слезай быстрее, - сказала она, и я, конечно, узнал голос. Ошибки быть не могло, это, на самом деле, была Ася.

- Ася? - с трудом переборов свой ступор, спросил я.

В ее глазах блеснула такая радость, что мне показалось, будто волной ее накрыло и меня самого. ТАК мне еще никогда не радовались! ТАК на меня еще никогда не смотрели!

- Саша?

Улыбка сделала личико девушки еще красивее! И мне самому от этой ее улыбки стало как-то... хорошо, как-то радостно на душе, как если бы я сделал что-то очень хорошее, как если бы награду какую-то получил! Кивнул, подтверждая ее догадку, снова отчего-то потеряв дар речи, как ребенок смутившись перед нею.

- Саша, слезай быстрее! Так высоко! Не дай Бог упадешь!

- заговорила она быстро, поглаживая тонкими пальчиками загипсованной руки рыжего уродца, уже успокоившегося и всем своим блохастым тельцем прижимающегося к ее груди.

Куда я там шел? К машине, чтобы ехать на работу? Смена через полчаса начнется суточная? Вечером, обещая Асе сегодня в одиннадцать снова встретиться на балконе, я совершенно об этой смене забыл. Утром решил, что работа важнее свидания вслепую с совершенно незнакомой, да еще и замужней женщиной. Но теперь мне нестерпимо захотелось, чтобы эта встреча состоялась. Я попытался оборвать себя - ну подумаешь, красивая девушка, у нее ведь муж есть! Но в голове стрелой промелькнуло все, что она мне рассказывала, все ее страхи и сомнения, и я со всей очевидностью понял, что обязательно вернусь домой к одиннадцати, чего бы мне это не стоило.

7. Ася

Не так я представляла себе Сашу. Хотя, в общем-то, занятая своими переживаниями, я не очень и задумывалась над тем, как выглядит мужчина с нижнего балкона. И увидев, поняв, что это - именно он, была поражена! Он был очень привлекателен. Мужественное лицо, высокий лоб, светлые, короткостриженные волосы с чуть удлиненной челкой и карие глаза одетого в клетчатую рубашку с короткими рукавами и брюки вполне себе мощного мужика... все это совершенно не сочеталось с его смешной позой - он обхватывал руками ствол дерева, практически прижавшись щекой к шершавой поверхности. Ноги, обутые в кожаные бежевые мокасины, с трудом помещались на коротком и, как мне казалось, сухом суку.

Потом, отпаивая кота в кухне молоком из блюдца, и раздумывая над тем, что мне делать с несчастным зверем и с расцарапанной рукой, - время обеда неумолимо приближалось - я вспоминала свою странную реакцию на соседа. И если тот факт, что я, высунувшись из окна, со страхом следила за тем, как он спускается с дерева, можно было объяснить простым волнением о человеке, попавшем в опасную для жизни ситуацию, то почему я махала ему, когда он садился в машину, почему с интересом ловила каждое движение - как отряхивает одежду, как открывает дверцу, как под-

нимает голову и смотрит на меня... особенно это? И почему, после того, как он уехал, я еще долго-долго со странной грустью смотрела вслед?

Наверное, просто потому, что Саша - единственный человек, который сейчас со мной общается. Напомнив себе о том, что у него, скорее всего, есть семья - по внешнему виду мужчине явно за тридцать, я постаралась не думать о нем.

Что делать с котом? Паника нарастала. Входная дверь была заперта снаружи. Открыть ее изнутри почему-то не получалось. Запереть где-либо, например, в шкафу? Так будет же кричать и рваться наружу! Почему я не додумалась попросить Сашу о помощи? Пристроил бы куда-нибудь... Хотя он бы непременно отдал несчастного зверя детишкам, что играли на площадке во дворе, а они замучили бы животное до потери пульса.

Выпив молоко, кот подошел ко мне и начал тереться об ноги. А стоило только погладить, сразу же упал на спину, закатив от удовольствия глаза, и стал извиваться, подставляя мне то правый свой бок, то левый. Это было смешно. И лаская гладкую рыжую шерстку, я впервые ощущала не страх и неопределенность, а какое-то умиротворение, спокойствие. Но, правда недолго...

Чем ближе подходило время возвращения Марка, тем страшнее мне становилось. Ничего лучше я придумать не смогла, как вынести Кота на балкон и уложить на мягкий круглый коврик, брошенный на полу посередине. Долго гла-

дила, чтобы он успокоился и уснул, а потом осторожно, чтобы не разбудить, вошла в комнату, закрыла дверь так, как она была закрыта утром, проверила по всем комнатам, не оставила ли чего компрометирующего, все ли лежит на прежних местах, и улеглась в постель, которую уже ненавидела всеми фибрами своей души.

... - Асенька, вставай! - прежде чем сказать мне это, Марк минут десять разглядывал мое лицо, склонившись над постелью, и мне было дико страшно, что ресницы дрогнут или захочется чихнуть, и он поймет, что я не сплю.

Услышав, наконец, слова, которыми он обычно будил меня, я изо всех сил постаралась не открывать глаза сразу, попритворяться еще, чтобы казаться сонной. Расцарапанную ладонь прикрывала загипсованной рукою, боясь забыться и показать Марку свежие царапины. Во время кормления, когда я, как ребенок, открывала рот и послушно ждала очередной ложки жидкого супа, мне казалось, что он смотрит на меня с подозрением. Наверное, все-таки выглядеть заспанной, помятой, припухшей со сна, у меня получалось плохо при том, что утром я, все-таки не выдержав, приняла душ без мыла, с трудом заставив себя не мочить волосы, и почистила зубы пальцем, потому что зубная щетка была только одна, да и то использованная.

- Как ты себя чувствуешь? - не сводя с меня глаз, спросил Марк.

Я старалась не пялиться на него, но мне было интерес-

но понаблюдать за ним, да и все время не покидало ощущение, что я вот-вот что-то вспомню, и казалось, что для этого непременно нужно увидеть что-либо или кого-либо из моей прошлой жизни. Кого, если не мужа?

Сегодня он был одет в строгий темно-синий костюм в тонкую светлую полоску и белую рубашу. Разглядывая красивое свежевыбритое лицо, гладкозачесанные назад черные волосы, тонкие пальцы, держащие за края тарелку с ненавистным бульоном, я не заметила кольца у него на пальце. А ведь кольцо должно быть? Мы же женаты! А у меня? А, хотя у меня же гипс... Сняли наверное! Но он-то почему не носит?

- Ася? Я спрашиваю, как ты себя чувствуешь? - повторил он свой вопрос.

- Не знаю, - ответила я. Потом решила, что нужно вести себя "правильно" и добавила. - Голова кружится. Все как в тумане...

Он, как мне подумалось, удовлетворенно кивнул!

- Асенька, это ничего, ты не переживай! Еще немного и станет лучше. Помнишь, я про завод говорил? Как ты думаешь, если я тебе документы принесу, ты сможешь подписать их?

- Подписать? Росписать что ли? Не знаю. Я не помню как, - я на самом деле не помнила. Но и вся эта история с заводом, который, якобы, у нас с Марком имеется, она меня настораживала как-то. Хоть пока я и не могла понять, что именно не так в ней.

- Я завтра принесу тебе образец твоей подписи, и ты попробуешь. А как только получится, придет нотариус и заверит твоё решение. Это очень важно, девочка моя! Мы с тобой можем сейчас потерять все, что имеем, если этого не сделать.

Я хотела покорно согласиться, притворяясь опоем лекарством, но неожиданно для самой себя выдала:

- Марк, зачем ты даешь мне снотворное?

Он изменился в лице. Весь побагровел, словно его голову кто-то засунул в кипяток, сжал кисти рук так, что суставы громко хрустнули в полной тишине комнаты и открыл рот, чтобы что-то сказать, но до того, как издал хоть звук, за стеклянной дверью балкона раздалось приглушенное, но очень хорошо слышное в тишине комнаты: "Ма-а-ау!"

8. Ася

- Что за? Это что еще такое? - взревел Марк, заставляя меня сжаться под одеялом от страха. - Откуда ЭТО на балконе взялось?

Я пожала плечами - мол, ничего не знаю, только проснулась.

- Ты что здесь делаешь, тварь безмозглая? - он отпихнул кота ногой, чтобы не прорвался в квартиру, и вышел на балкон. Я с замиранием сердца следила за тем, как Марк осмотрел балкон, бросая на животное брезгливые взгляды, смерил взглядом открытое окно, высунулся из него, видимо, прикидывая расстояние до дерева, потом посмотрел наверх и вниз и вернулся в комнату. - С дерева что ли сиганул на балкон? Еще этого мне не хватало!

Я молчала, решив, что, вроде бы, все обошлось, он сейчас уедет, а я вечером пристрою кота Саше, и пусть Марк думает, что зверь ушел также, как и пришел - через балконное окошко. Но Марк, сходя в ванную, вернулся с большим полотенцем. Сразу поняв, что именно он собирается делать, я попросила:

- Марк, может, пусть останется? Пожалуйста!

- С ума сошла? Еще мне не хватало заразы вшивой! За тобой тут прибирайся и за ним! Еще чего!

Кот доверчиво позволил обернуть себя полотенцем и

взять на руки. Я подумала, что Марк просто выбросит его в подъезд. И совершенно не ожидала, что мужчина с полотенцем в руках подойдет к окну и, выставив руки наружу, бросит кота с высоты вниз! Сердце ухнуло об ребра, я вскочила с постели в ужасе, крича что-то. Из глаз брызнули слезы - за что? За что его так? Почему кто-то собой рисковал, чтобы спасти, на высоту такую по дереву лез, а кто-то вот так, легко, словно имел право, взял и лишил живое существо жизни?

Марк, стоя на балконе, развернулся и удивленно посмотрел на меня, стоящую посреди комнаты и ревущую, понявшую вдруг и сразу, что выдала себя, что вскочила так легко, как не могла еще несколько дней назад! Но понимающую также, что уже поздно. Потом мужчина зачем-то выглянул в окно, наклонился вниз, видимо, рассматривая то, что осталось от несчастного кота, доброго, ласкового, который еще совсем недавно уютно мурчал у меня на руках...

Я прикрыла глаза ладонью и зарыдала от жалости к коту, от жалости к себе, от... от всего, что со мной сейчас происходило! Я не смотрела больше на Марка и не заметила, как он оказался рядом.

- Я думал, ты лежишь тут без движения... А ты по комнате бегаешь. Я думал, ты спишь целый день. А ты развлекаешься, котов себе заводишь. Рука-то вся поцарапана... - в его тоне мне слышалась угроза, и по спине пробежал холодок. - Разве я не дал тебе понять, что нужно слушаться и делать то, что я сказал? Ты разве не хочешь выздороветь?

Он был в ярости, он нависал надо мною, пугая сверкающими глазами! А еще он был высок и широкоплеч, а я едва доходила ему до этих самих плеч... И, наверное, нужно было промолчать, но я не могла:

- Не понимаю, как может помочь моему выздоровлению снотворное? Мне двигаться нужно и в больницу! А я все время лежать должна? И вообще, зачем ты меня взаперти держишь? Где мои родные - мама, папа? Кто-то же у меня должен быть! И если ты мой муж, почему не ночуешь здесь? Почему ты мне... чужой, незнакомый?

- Сука! Ты давно уже... - задохнулся он и, схватив меня за ворот несчастной ночной рубашки, потянул вверх. - Короче, я на такое не подписывался! Сейчас звоню Игорю, пусть сам решает, что с тобой делать!

Он оттолкнул меня и вышел из комнаты, а я, не зная, как теперь быть, бояться самого Марка или этого неизвестного Игоря, или, может, никого не бояться и просто уйти сейчас из квартиры? А что, там же открыто? А я - свободный человек! Да-а, только куда мне идти? Без памяти-то далеко не уйдешь, а если и уйдешь, где ночевать, что есть, как жить? В милицию пойти? Точно!

В другой комнате Марк разговаривал по телефону. И от того, что я слышала, немного приоткрыв дверь, смысла ложиться в постель я больше не видела - на голове шевелились от ужаса волосы!

- Игорь, ты должен приехать прямо сейчас! Она все от-

лично рассуждает и, похоже, лекарства не пьет! Куда я смотрел? Да брал бы и сам смотрел! Сука! Ты достал меня! И она меня уже достала! И кот этот долбаный! Что? Какой кот? Приезжай и разбирайся сам с этим со всем! Разгребай свое дерьмо! Это было твоей идеей! Она ни х..ра не помнит и тебя бы не вспомнила! - Марк некоторое время молчал, по всей видимости, слушая инструкции этого самого Игоря, а потом заговорил совершенно иным тоном. - Ладно. Прослежу. Да... Да. Да. А она не... Ладно. Но... Как скажешь.

... Он поймал меня уже на лестничной площадке. Я бежала, как была, босая и в ночной рубаше. Я знала, что никакой обуви в квартире нет - давно уже проверила все шкафы. Я поняла, что нужно спастись. Но только квартира маленькая - он сразу услышал... Но только он был здоров и силен, а у меня от страха перехватило дыхание, и я даже не смогла закричать...

Плотно запеленав в одеяло, то и дело делая больно загипсованной руке, Марк запихивал мне в рот таблетки, много таблеток, заставлял глотать, вливая воду, которая текла по всему лицу, выливалась через нос, но все-таки проталкивала ненавистное лекарство в горло.

Сон пришел очень быстро. Я еще успела напоследок подумать о том, что, наверное, для меня все закончилось, и я никогда не узнаю...

9. Саша

В восемь вечера я въехал по двор, припарковал машину рядом с Логвиновским монстром и, посмотрев на Асин балкон, отправился домой. Шагал по ступенькам и думал, что ночное дежурство, на которое вместо меня остался мой сменщик, очень дорого мне обойдется - у Петьки Новакова намечалась копка картошки у тещи в деревне, и теперь он с чистой совестью может два своих дежурства повесить на Рожкова Александра, то есть меня!

Собственно, я мог не возвращаться домой сегодня и спокойно доработать смену. И ничего бы страшного не случилось. И Ася сейчас, вечером, после длинного рабочего дня, после впечатлений, полученных на работе, не казалась мне настолько красивой и очаровательной, как утром. Да и вообще, я вспомнил, наконец-то, что она замужем! И мне бы совсем ни к чему все эти ночные беседы. Как ни к чему и проблемы с ее мужем. А еще говорил себе, что у нее вполне может быть не все в порядке с головой - неужто муж мог ее поить таблетками на самом деле? Может, придумала все это?

Погруженный в свои мысли, я обогнул медленно поднимающуюся по ступенькам Наталью Станиславовну, бабулю из тридцать шестой квартиры, и услышал в спину ехидное:

- А что это вы, Саша, не здорваетеесь?

Я резко остановился, обернулся, напугав этим бабуку, и

установился на нее, вдруг вспомнив, что она живет ровно напротив квартиры, в которой находится Ася. И может что-то знать о ней и ее муже!

- Саша, почему вы так на меня смотрите? Я же ничего такого не...

- Наталья Станиславовна, уважаемая, - пришлось "прогнуться" мне. - Простите меня, пожалуйста! Я задумался немного. Забот, знаете ли, полон рот.

- Ой, да ничего страшного, - выдохнула бабка.

- О, вы, наверное, в магазин бегали? А почему на ночь глядя? Я думал, вам, пенсионеркам, по утрам удобнее, - указал ей на ее клетчатый баул, из которого торчал длинный батон и хвостик сырокопченой колбасы. - Давайте в качестве извинения помогу донести до квартиры.

- Да я и сама, не нужно, - с радостной улыбкой протягивая мне свои сумки, пропела старушенция. - Вы же, наверное, устали и голодны после работы-то! А вечером потому, что колбаску такую дед мой очень уж любит, а ее только по четвергам в пять часов привозят.

Подцепив тяжеленные сумки и впридачу бабку под руку, я зашагал наверх.

- Наталья Станиславовна, а вы мне не подскажите, кто сейчас в квартире надо мной обитает? Ночью шумят, спать не дают!

- О-о, Сашенька, я и сама задаюсь вопросом. Ты знаешь, какие-то подозрительные там жильцы!

- Почему? - я замедлился, ловя каждое слово.

- Да там же раньше Федотовна жила, хорошая женщина была, в сберкассе работала. Померла... когда, дай Бог памяти... Лет семь-восемь как уже. А сыны у нее в Москве оба. Ну и продали мамкину квартиру-то! На что она им? Вот этот парень и купил, что на блестящей машине-то ездит. Ох, красивый! Всегда при костюме, при галстуке, весь напомаженный, пройдет, так на лестнице еще три часа его одеколоном воняет! Жил один. Кроме друга, такого же, в галстуке да одеколоне, никто к нему не ходил, - я слушал, кивал ей, а сам тем временем думал, что нет лучшего разведчика, чем женщина на пенсии - все видит, все запоминает, дай наводку, так всю подноготную выложит! - А на той неделе... Никак в пятницу вечером... Точно! "Поле чудес" по первому шло как раз. Слышу, поднимается кто-то по лестнице. Глянула в глазок, а там Марк девушку на руках несет. Ну, думаю, напилась в клубе каком-нибудь! Гляжу, а у нее рука вроде как сломана.

Мы уже стояли возле квартиры Натальи Станиславовны, и она, видимо, опасаясь, что я уйду, не дослушав до конца, крепко держала меня за руку. Говорила шепотом, подняв лицо к моему уху - боялась, что такую "важную" информацию кто-нибудь подслушает.

- Наталья Станиславовна, вы вот сказали, что жильцы подозрительные... В чем это выражается?

- Так вот в чем... Марк-то каждый день на работу ездит. А девушка эта сидит в квартире, никуда не выходит совсем.

Я у него как-то на днях спрашиваю: "Марк, ты женился или как?" А он мне отвечает: "О чем вы, Наталья Станиславовна". А я ему: "Видела, как ты девушку на руках-то заносил в квартиру". А он: "Да это знакомая моя. Попала в трудную жизненную ситуацию. Я сейчас в другом месте обитаю, а ее приютил на время. Вот помогаю, чем могу. Но вы не волнуйтесь, она скоро съедет". Сам подумай, Саша, если просто знакомая, зачем на руках нес? И почему она не выходит из квартиры? Почему под замком все время сидит?

По заговорщечкому шепоту старушки мне было ясно, что тайна соседской квартиры захватила Наталью Станиславовну целиком и полностью. Выяснив, все, что хотел, озадачился еще больше. Я уже мечтал о том, чтобы пойти к себе, но бабуля все также крепко держала за руку. Пришлось терпеть и слушать дальше.

- Наклонись поближе, вымахал ты, Сашка, как верста коломенская, - уже по-свойски, по-простому, продолжала она. - Мы с дедом думаем, что девушка эта прячется от кого-то! Может муж ее обижал или еще кто! Рука-то... Сам понимаешь. А Марк наш ее спас! А ездит каждый день потому, что нравится она ему! Ну и ладно! Все ж лучше, чем с мужиком встречаться...

Она отклонилась и внимательно всмотрелась в мое лицо, довольная произведенным эффектом. А я по-началу и не понял совсем, что именно старушка имела в виду. А потом, когда дошло, решил, что бабуля с дедом своим явно программ

по телеку пересмотрели.

- С чего вы это взяли? Вот ко мне тоже Логвинов ходит. А я к нему. Так что теперь, и нас в гомики записать?

- Ой, Саша-Саша! Что Пашенька не по этой части, сразу видно! А ты сам-то к Маринке, хамке этой, захаживаешь. Да и не просто захаживаешь! Ее ж квартира с моей через стенку. Слышала я вчера, как она кричала: "Давай, Саша! Быстрее!" Думаешь, не понимаю, что вы там такое делали? Сама молодой была!

Я ухмыльнулся, поражаясь бабкиной осведомленности, и еле-еле отвязался от нее, навсегда зарекшись заводить еще когда-нибудь разговор с ней самой и с ей подобными.

Ломая голову над тем, кем же все-таки приходится друг другу Марк и Ася, я вошел в собственную квартиру. И буквально с порога услышал надрывное мяуканье. Поозиравшись по комнатам и выйдя в спальню, увидел утреннего рыжего знакомого на своем балконе. Кот сидел ровно напротив двери и с тоской смотрел в квартиру через стекло. Что за? Ася его ко мне кинула что ли? Ну вообще!

10. Саша

- Ася! - покричал, задрал голову к ее балкону.

Кот, как бы повторяя за мной, проорал снизу свое радостное "мяу!", потираясь о мои ноги.

- Неужто она тебя, блохастик, просто бросила ко мне на балкон? А казалась такой милой девушкой... Такой добренькой, - размышлял я вслух, почесывая рыжему за ухом. - А может... может быть она испугалась этого странного Марка? Он же не знает, что она лекарства не пьет... Слушай, давай я тебе пожрать дам? А потом сбегая, попробую в Асину дверь позвонить? Как ты думаешь?

Кот согласно мяукнул. Я бухнул ему в блюдце молока и рванул на четвертый этаж. Звонил несколько раз, но никто не ответил. Постучал, понимая, что Штирлиц-в-юбке, то бишь Наталья Станиславовна, сейчас, наверное, приникла всем телом к дверному глазку и фиксирует каждое мое движение. Не получив никакого ответа, вернулся к себе. Посто-ял на балконе, подумал... Попытался объяснить себе, идиоту, что это не мое дело, и все-таки полез...

"Не зря, ох не зря, снилась прошлой ночью эта жаба проклятая!" - промелькнуло в голове, когда забирался на перила своего балкона, цепляясь за край верхнего, Асиного. И если утром удалось уцелеть, то сейчас есть все шансы шандарахнуться! А еще в голове крутилось: "Идиот! На х.ра это тебе

нужно!" Ну и конечно: "Там, наверху, никого уже нет, скорее всего!"

Понимая, что делаю глупость, я все равно выпрямился на перилах, дотянулся до пожарной лестницы и перелез на нее, изо всех сил стараясь не смотреть вниз. А что? Ничего не страшно! И легко получилось! Даже проще, чем утром на дереве...

Только Асин балкон был застеклен. Все окна, кроме того, через которое она поймала кота, были закрыты... Да только это, открытое, было с противоположной от меня стороны. Обмирая от страха нечаянно рухнуть с такой дикой высоты, вернулся к себе. Походил по квартире, сопровождаемый следующим за мной попятая котом. В душе нарастало тревожное чувство. Как будто кто-то в спину толкал - не сиди! Иди и делай, что задумал! Набрал Пашку, надеясь если он окажется дома, придумать что-нибудь вместе.

- Да, - раздалось в трубке отрывистое.
- Ты дома? - спросил вместо приветствия.
- Скоро буду.
- Набери меня, когда явишься.

Переделся, чтобы было удобнее, запихнул в один карман спортивных штанов телефон, а в другой отвертку - молоток показался слишком тяжелым. Выглянул во двор - бабки вроде порассосались. Зато молодежь тусила на детской площадке. Пьют, наверное. Могут и ментов вызвать... Подумал так, но все равно полез.

По тому же пути - перила балкона, пожарная лестница. Осторожно тукнул отверткой в боковое стекло Асиного балкона. Получилось громко, а у некоторых соседей окна открыты...

Что ж я делаю? Дебил! Тукнул из всех сил, выбивая приличный кусок, ввалившийся, к моему счастью, внутрь балкона. Дальше делал все очень быстро - добил стекло, слыша, как мелкие осколки падают на асфальт перед домом и понимая, что завтра мне конец. И быстро забрался на ее балкон, слыша, как внизу кричат подростки:

- Бэтмен! Ты видел?

- Человек-паук!

- Черный плащ!!!

И ржут на все голоса. Видели, но в темноте вряд ли узнали. Одно радует, судя по реакции, они точно ментов вызывать не будут.

Через стеклянную балконную дверь мне была хорошо видна вся комната. Дорогая мебель - шкаф, комод, большая кровать... И на ней, прижав к груди загипсованную руку - Ася, девушка, которую я видел всего один раз и из-за которой зачем-то делал сейчас самую большую глупость в своей жизни. Дебил! Идиот! Она просто спит. Спит от снатворного? Иначе, наверное, проснулась бы, когда я звонил в дверь.

Балконная дверь легко открылась. И уже подходя к ней, я понял, что девушка не просто устала и прилегла отдохнуть. Ей было плохо. Голова повернута на бок, в уголке рта собра-

лась слюна, лицо бледное, изможденное. Хорошо, что телефон с собой взял! Вызвал скорую, назвав номер своей квартиры...

Завернул в одеяло и поднял на руки легкое, практически невесомое тело. По рукам моим разметались ее черные волосы... И замер посреди комнаты пораженный странным ощущением закономерности всего происходящего: вот она - моя принцесса из высокой башни, моя лягушка заколдованная, нашел, спас от злодея, теперь к себе тащить нужно, спрятать подальше от глаз людских.

Глупости какие-то в голову лезут... Посмеялся мысленно над самим собой, подходя к входной двери. Изогнувшись, подергал дверную ручку. Попытался открыть изнутри. Не получается. Та-ак! Этого еще не хватало!

Асю, никак не реагирувавшую, осторожно уложил, понимая, что нужно спешить. Рассмотрел внимательно замок. Отверткой поковырял. Обычный, цилиндрический, такой же, как и у меня. Просто внутри закрывается на ключ, а не защелкой. Ключа, конечно, здесь нет... Быстро проверил все шкафчики поблизости, убеждаясь в своей догадке. Был у меня когда-то подобный случай...

Уже знакомым путём быстро спустился к себе, удивляясь, что никто из соседей еще не отреагировал на мои перемещения и выбитое стекло. Сверло, проволока, тонкая отвертка нашлись в любимом чемоданчике. Через десять минут я уже был с Асей на руках на свободе. А квартира - со сломанным

замком.

Нес ее вниз по ступенькам и совершенно не думал о том, что по сути совершил преступление. Боялся другого. Боялся, что скорая не успеет, что девушка умрет на моих руках. И в тот момент я совершенно не думал, чья она жена, что за мужчина принес ее в эту квартиру, и почему он прячет Асю ото всех, как не думал и о том, ЧТО мне будет за взлом квартиры и похищение человека.

Конечно понимал, что любому мало-мальски соображающему мужику не составит труда понять, кто именно и откуда влез в эту квартиру. А значит, вычислить, куда я мог отнести Асю, тоже было легко. Конечно, мелькнула мысль идти к Логвиновым, но... но кто его знает, что за человек этот Марк, вдруг он опасен, а у Пашки - дети. Да и простой ночной скандал, который обязательно случится, если этот козел явится за ней, малышам видеть ни к чему. А с другой стороны, пусть только сунется - не зря ведь во времена молодости я жил в самом бандитском районе города - дрался, как зверь. Да и служба в армии даром не прошла. Накостылять этому непонятному Марку очень хотелось - отравил девчонку, скотина! Но вдруг у него есть на нее права - вдруг он ей муж? Что тогда я смогу противопоставить? Хотя, какая разница, муж или не муж - кто давал право доводить человека вот до такого бесчувственного состояния и оставлять одну?

Скорая приехала быстро, я только-только успел уложить Асю на свою кровать. Сделали какой-то укол, поставили ка-

пельницу, предложили поехать в больницу, объяснив мне, что отравление снотворным (так предположил я) может быть очень опасным - если вовремя не оказать помощь, человек впадает в кому и умирает, а мы по всей видимости, оказывали ее поздно - кто знает, сколько она так лежит? И я уже было согласился. Но тут Ася открыла глаза, вполне осмысленно осмотрелась и, кажется, даже обрадовалась тому, что видит.

- Как вы себя чувствуете? - спросил врач.

- Тошнит... - прошептала она.

- Несите тазик какой-нибудь, - обратился ко мне доктор.

- Сейчас промоем желудок, и ей станет лучше. А что у вас с рукой? Как вы так умудрились?

- Муж говорит, что попала под машину, но я ничего не помню. Совсем ничего.

Врач вопросительно посмотрел на меня. Я пожал плечами:

- Я не муж, - сказал и пошел за тазиком.

11. Ася

За закрытой дверью в коридоре слышались шаги - Сашин друг ходил туда-сюда по комнате и матерился. А я, бессонная, снова подслушивала. Ну, не то, чтобы подслушивала - просто было слышно, и я не сопротивлялась тому, чтобы получать информацию. Проще говоря, уши руками не закрывала.

После капельницы, уколов, промывания желудка меня потряхивало, было дико холодно, и два одеяла, которыми укрыл Саша, не помогали. Я тряслась на его кровати, очень стараясь, чтобы стук зубов не заглушал голоса...

- Сашка, ты на х.р сошел с ума! Дол...б! Ты что творишь вообще? Да за такие проделки сядешь, как пить дать! Не ожидал, что ты способен на такую глупость! Это беспредел просто!

- Кто бы говорил! Ты лучше подскажи, что дальше делать!
- отвечал мой спаситель.

Они думали. Я тоже думала. Вроде бы, если так рассудить, как изменилась для меня ситуация? Никак. Я все также ничего не помнила. Я все также полностью зависела от практически незнакомого мне мужчины. Но было одно немаловажное отличие - Сашу я не боялась. Сама себе объяснить этого не могла, но не испытывала к нему того, что с первого дня чувствовала по отношению к Марку! И в этой квартире, да

что там, в этой кровати, мне было спокойно и хорошо!

- В полицию иди! Объясни ситуацию! Все, Рожков, других советов не будет! Пусть сами разбираются, что там за дело со снотворным. А может, у девчонки этой болезнь какая-нибудь, может, ей по показаниям такие лекарства нужны? Ты об этом подумал? Она сама об этом может и не помнить, раз память потеряла... Бля-я! Вот ты и вляпался!

Некоторое время был слышен только топот обутых ног по полу, а потом Саша сказал:

- Ключи от дома дай!

- Чего-о? - угрожающим тоном протянул его друг. - Да ты...

- Друг ты мне или кто? Неделю до вашего переезда поживу там и свалю!

- Дебил! Идиот! Не дам, даже не проси! Не ввязывайся в это дело! Послушай меня! Звони в полицию и сдавай девчонку им! Все! От тебя больше ничего не требуется!

- Если он ее муж по документам, заберет оттуда и убьет таблетками своими.

- Да тебе-то что?

Саша не ответил. А я боялась, что он согласится, что послушает совета. И понимала ведь, что совершенно его не знаю, да только Марка боялась больше...

... Минут через двадцать мы с Сашей уже куда-то ехали на его машине. Его друг вместе с ключами от своего дома принес мне пакет с вещами своей жены, которые мне ока-

зались немного большими, но я была им очень рада - кроме одной-единственной ночной рубашки в квартире Марка я нашла только мужские носки.

Провожая нас, Павел поставил мне на колени еще один пакет с кастрюлькой, которую я теперь прижимала здоровой рукой к себе, чтобы не расплескать содержимое. А надо сказать, пахло на весь салон - одурманивающе, вкусно, так, что хотелось прямо здесь открыть и рукой зачерпнуть! Что это такое там вообще? Мясом пахнет... Знала, что внутри, а вспомнить не могла...

Сзади по сиденью прохаживался Кот. Увидев его в кухне у Саши, я не сдержалась и расплакалась снова - живой! Совершенно невредимый! Бедненький мой! Он, словно узнав меня, бросился к ногам, закружился рядом, потираясь, мурлыча на всю квартиру.

Саша молчал. В салоне играла музыка. Она казалась мне знакомой - грустная мелодия о несчастной любви. И я с трудом сдерживалась, чтобы не расплакаться - мне было одиноко, мне хотелось вспомнить. Мне хотелось знать, кто я, где я живу, есть ли у меня мама, отец. А может... может у меня есть ребенок? И где он? С кем он сейчас, когда я вот такая?

- Ты чего занервничала? - я поймала Сашин быстрый взгляд, который он тут же отвел - уже было совсем темно, и мы выехали куда-то за город. - Если меня боишься, то не думай, я ничего плохого тебе не сделаю.

- Саша, это страшно - не помнить ничего! Кто я? Сколько

мне лет? Как моя фамилия? Почему я понимаю, что все это - и фамилия, и родственники, и работа - все это у меня есть, то есть работает мозг, помнит все эти жизненные связи, да только факты, важное, никак не вернет мне? Я вот сейчас подумала, что, может быть, у меня ребенок есть, может, он где-то маму зовет, не спит по ночам, а я... Я никчемная такая. Как мне найти... меня?

- Ась, тебе слово интернет знакомо?

Я как-то не думала об этом, но сейчас в голове всплыл компьютер, клавиатура с подсветкой... И слово "интернет" мне было понятно, хоть я и не могла подыскать мысленное определение для того, чтобы описать Саше мое понимание. Но он, видимо, понял и без моих разъяснений, что я в курсе.

- Пашка уже комп сюда привез и интернет провел высокоскоростной. Так что выясним, кто ты, не волнуйся.

...В темноте я не смогла разглядеть дом, хотя мне очень хотелось. А вот в доме... В таком доме семьей жить только и никак иначе! В таком доме детские голоса слышатся, хоть и нет никого кроме нас с Сашей и котом. Уютно, мило, светло как-то. Фотографии детские по всей стене вдоль лестницы на второй этаж, рисунки в коричневых деревянных рамках, игрушки мягкие... Пространство и небольшое количество мебели... Подсветка всевозможная - и на потолке лампочки разноцветные, разными узорами закрепленные, и на стенах!

Неловкость свою ощутила, как только вошла - я здесь чу-

жой элемент, ненужный! Этот дом Сашин друг и его жена для своих делали! Разве имею я право быть в нем? Разве имею право хозяйничать? Так и застыла на пороге между большим холлом с летницей наверх и кухней, куда должна была отнести кастрюльку. Задумалась, вдруг оставишись одна - кот убежал, Саша ушел куда-то.

И не заметила, как он появился сбоку. Ладонями обхватил кастрюльку, пальцев моих своими пальцами коснулся, зачем-то в глаза заглянул. И мне бы отодвинуться, отдернуть руки... Мне бы отдать и пройти дальше, а я зачем-то смотрю на него, крепко вцепившись в несчастную кастрюльку и странное какое-то ощущение появляется, словно бы тянет к нему, словно бы прислониться хочется, лбом уткнуться в плечо широкое и закрыть глаза...

... - Ты не устала? Может, спать пора уже?

Мы сидели на диване и копались в ноутбуке, всячески меняя мое имя и разыскивая Ась, Анастасий, Насть... И так далее. Но ни в одной из соцсетей не находя никого и близко похожего. После душа, после трехразового мытья головы и всего тела, после вкуснейшего борща, который по запаху я почему-то узнать не смогла, а вот по вкусу - запросто! После всего этого я чувствовала себя, как никогда, здоровой и бодрой.

Спать мне совсем не хотелось. Мне хотелось и дальше сидеть вот так, чуть касаясь голый коленкой (Саша выдал мне халат хозяйки, который был совсем немного выше колен)

штанины его брюк.

12. Саша

- Почему именно Кот, а не Мурзик, Барсик, Рыжик? Это как-то несправедливо даже - как если бы тебя вместо имени звали... девушка, например!

- Есть такой фильм "Завтрак у Тиффани". Главная героиня назвала своего питомца "Кот", обосновав это фразой: "Мы не принадлежим друг другу, и я не имею права давать ему имя"... Вот ведь странная штука - как меня зовут я не помню совершенно, а фильм и фразу из него - легко! Как так? - и правда, интересно устроена память человеческая - фильм помнит, рассуждает логично, фразы составляет не хуже моей мамы - учительницы, а вот о себе ничего...

В соцсетях никого похожего на Асю мы найти не могли. Но я регистрировался повсюду и искал. Я знал, что у нас с Асей совсем мало времени, чтобы понять, кто она на самом деле. Рано или поздно придется идти в полицию. Либо нас найдут ее родственники. И, наверное, логично было бы сейчас думать обо всем этом. А я... я думал о том, какая нежная у нее кожа - вот совсем рядом ее личико, придвинулось к самому монитору, она смотрит, читает, вглядывается в лица людей, хмурится, надеясь, что вспомнит, что узнает кого-то! Я думал о том, как красиво она улыбается, когда говорит о коте, свернувшемся на коленях, чуть прикрытых халатом Эммы, - на правой щеке появляется ямочка, а глаза ис-

крялся. Я, ненормальный, весь подбирался, напрягался всем телом, стоило Асе взглянуть в мою сторону!

И смотрела она как-то по-особенному - искренне, с любопытством, заинтересованно, доверчиво - как разве что По-линка умела. Я ведь помнил, что Ася больна, что ей отды-хать нужно, а все никак не мог заставить себя произнести эти мысли вслух. Так и сидел рядом, смотрел в монитор через прядку ее черных волос, еще чуть влажных после душа, и боролся с совершенно непонятным, с даже неуместным сей-час желанием коснуться губами ее щеки, которая вот же, ря-дом с моим лицом...

- Ты слышишь? - Ася подскочила на диване, испуганно посмотрела в сторону большого окна, закрытого тяжелыми шторами.

- Что?

- Что-то... как будто звук какой-то!

- Не бойся. Если бы кто-то нас искал, Пашка мне позвонил бы, - я поднялся и шагнул к двери, собираясь выглянуть на-ружу. Она вскочила за мной, догнала возле выхода, зачем-то схватила за руку. И я не смог оттолкнуть или убрать свою ладонь из ее ладошки. Так, рука в руке, и спрятал себе за спину, отпер дверь, выглянул наружу, во двор.

Где-то далеко, над самым центром города небо разрыва-лось на части молниями. Гром докатывался до нас намного позже. Но и здесь на окраине, практически в пригороде, воз-дух был наполнен предчувствием дождя - ветер взвихривал

песок, которым Логвинов засыпал двор, пробежал по кронам деревьев - за забором с одной стороны от дома росла целая аллея берез и тополей. Было тепло, но уже чувствовалась свежесть приближающейся грозы. А в траве посреди двора, видимо, оставленной Пашкой для детских игр, громко стрекотали сверчки.

Ася протиснулась сбоку, выглянула тоже.

- Вот это да-а! - протянула восторженно. - А давай на крыльчке посидим?

- Холодно ведь. Да и спать тебе, наверное, пора! Только ведь плохо было, только скорая спасала!

- Я что ребенок? Я и так проспала неделю! - ответила обиженно. - Ну, давай! Немножечко! Я сейчас хорошо себя чувствую!

Поднятое ко мне абсолютно белое в темноте ее лицо, и этот по-детски умоляющий тон, снова ввели меня в ступор. Я подумал, что она еще совсем молода - сколько ей? Двадцать? Двадцать два? И мне нельзя реагировать так по-взрослому на нее, девчонку! Мне вообще ничего в отношении нее нельзя! И, наверное, нужно было настоять на своем решении. Но я не смог не уступить, потому что она, не понимая, скорее всего, моей на нее странной реакции, не замечая ее, снова схватила за руку и, усевшись на верхнюю ступеньку крыльца, потянула меня следом.

- Наверное, над нашим домом гроыхает! Мне бы там одной сейчас страшно было ужас как!

Вот о чем думает? Ну точно - девчонка! Не о Марке, не о том, что ее чуть не убили! Радует, что уехала оттуда потому только, что там гроза, а здесь ее нет! Улыбается даже! А ведь буквально несколько часов назад умереть могла!

- Простудишься, - проворчал, чувствуя себя рядом с ней настоящим стариком.

- А я знаешь о чем думаю? - спросила надрывно как-то, с чувством.

- О чем?

- Вот если бы ты меня не спас, и я умерла бы, то вот это-го, - она вскочила зачем-то, раскинула в стороны обе руки, забыв, видимо, про гипс, ойкнула, тут же прижав загипсованную к телу, неожиданно засмеялась, и закружилась, колокольчиком развеивая широкий халат. - Вот этого всего! Не увидела бы уже! А я жива! И я вижу!

Последние слова буквально выкрикнула, хохоча, споткнулась или просто от болезни своей потеряла вдруг силы, и я, глазами привыкшими к темноте, да впрочем, темнота здесь была относительная - где-то дальше по улице светил фонарь, у соседей в большом трехэтажном доме метрах в пятидесяти горели окна - успел это увидеть. Сам не понял, как оказался рядом, обхватил за талию и поймал уже у самой земли - испуганную, но все еще смеющуюся! И замер, ощущая, как она - тоненькая, невесомая, сладко пахнущая - всем телом прижимается ко мне.

Да что за наваждение-то такое! Как объяснить это дикое

возбуждение, эту волну запретного, невозможного и ненужного физического желания, которая хлынула откуда-то из кончиков моих пальцев, чувствующих, трогающих ее сквозь ткань халата на спине, по рукам, по телу, стремительно толкнувшуюся потоком горячей крови в пах? Как объяснить мое нелепое движение - лицом в ее волосы, в последнем миллиметре успев заставить себя не трогать ее губы? И успокоиться - фух, не поцеловал! Удержался! Все отпускать пора, ставить на ноги.

И вдруг... Не поверить себе сначала. Не понять, зачем, для чего она... И догадаться только тогда, когда Ася, положив здоровую ладонь на мою щеку, удержала в одном положении и сама прикоснулась губами к моим губам, когда выдохнула жарко, чуть дотронувшись, а потом... языком по моим все еще сомкнутым...

Это ночь виновата - августовская, жаркая, с ее грозовой свежестью, с громким, словно последним в этом году, стрекотанием насекомых в траве, со всполохами и далекими раскатами, с нереальностью всего произошедшего сегодня, это она, не я - взрослый мужик, холостяк, бабник, однажды и навсегда еще в молодости решивший, что семья, брак не для меня! Я с такими молоденькими, невинными, как Ася... не целуюсь!

И гроза была где-то далеко, а перед моими закрытыми глазами полыхало так, что казалось - вот она надо мной. И я совсем забыл кто со мной... нет, не так, я совсем забыл, что

именно с Асей, с чужой, с потерявшей память молодой женщиной, девушкой, я не должен, не имею права... Целовал так, будто сто лет не был ни с кем, будто это - последний поцелуй в моей жизни! Сам пугался своего безумного к ней желания, но ни отстраниться, ни оттолкнуть ее, доверчиво жмущуюся, по щеке, по уху поглаживающую, не мог.

И она отвечала. Более того, мне казалось, что она старательно и точно повторяет за мной каждое движение - стоит провести языком по краю ее зубов, как Ася тут же вытесняет мой язык, чтобы продублировать у меня во рту, стоит втянуть нижнюю губку в свой рот, как она делает так же. В голове проносится: "Словно в первый раз целуется!" А потом сквозь пелену страсти, до меня доходит - она же не помнит ничего из прошлой жизни! А значит, в первый раз...

И я отстраняюсь, отвергаю ее губы, тут же тянущиеся ко мне, к моим. И в полной прострации, словно пропустил удар по голове, вижу, что успел натворить! Е-мое! Да это как так? Я сижу на крыльце, а Ася - верхом на моих коленях, раскинув ноги и оперевшись коленями в ступени. Халат задрался, моя рука - на ягодицах. Ну тут без вариантов... понятно для чего - чтобы вот так же, как сейчас, все еще по инерции, подталкивать ее бедра, заставлять их ритмично двигаться на моей каменной плоти, рвущейся из штанов...

13. Ася

- Это был лучший поцелуй в моей жизни, - выдыхаю, с жадностью глядя на его губы, отдавая себе отчет, что больше всего на свете хочу повторить.

- И много ты поцелуев из своей жизни помнишь? - спрашивает хрипло, поправляя задравшийся на мне халат.

И правда... Ни одного не помню. И, покопавшись в собственных ощущениях, понимаю, что не хочу помнить. Мне нравится вот именно этот - со вкусом его ментоловых сигарет, которые курил прямо в доме за компьютером, оправдываясь, что обязательно все проветрит и уберет. И вообще сам этот мужчина мне очень нравится - его запах, его сильные руки, глаза голубые - внимательные, задумчивые, и если совсем честно, мне почему-то жутко нравится его реакция на меня - ведь не чувствовать твердый бугор под одеждой, прижимаясь к нему самой чувствительной частью своего тела, я просто не могу.

А еще мне нравится ощущение безопасности, защищенности рядом с ним. Как? Ну вот как я могу все это о Саше понимать, если знаю его всего два дня? А увидела впервые вообще только утром? Вот бесстыжая! Разве мама не говорила мне, что на первом свидании нельзя целоваться? Мама?

- Ася? - он словно чувствует мои мысли, словно понимает, что я расстроилась - напрягается подо мной, выпрямля-

ется, но не прогоняет, не сбрасывает с колен, чего бы сейчас я очень не хотела, наоборот, придерживает рукой за спину.
- Что-то случилось? Тебе больно?

- Нет-нет, не больно. Не в том смысле... Я подумала о маме, о том, что она, наверное, не одобрила бы такого моего поведения...

Говорила это и понимала, что так сказать могла бы девочка-школьница, но не взрослая женщина, какой я казалась сама себе.

- Конечно не одобрила бы. А папа вообще под домашний арест посадил бы.

Что такое домашний арест я теперь знала очень хорошо. Я задумалась. Неужели у меня и папа есть? Почему же тогда он не ищет меня? Не отдавая себе отчета, погрузившись в размышления, перебирала Сашины волосы, модно подстриженные, сверху чуть длинноватые, и выбритые на висках и затылке. Он молчал. И я совсем забыла о всей провокационности своей позы. Просто мне было хорошо от такого вот физического контакта, от ощущения обнимающих, согревающих, удерживающих рук - исчезло одиночество, растворился страх. Мне было приятно и спокойно. Но Саша, по всей видимости, думал совсем о другом. Я поняла это в тот момент, когда проследила за его взглядом, застывшем на моих губах.

Я не собиралась сопротивляться, более того - я сама хотела этого. Только наши губы не успели встретиться снова - в одно мгновение, словно где-то вверху кто-то одним дви-

жением открыл шлюзы, хлынул дождь без молний и грома, зато такой сильный, что я моментально вымокла до нитки.

- Бежим! - зачем-то прошептал он мне на ухо, подхватывая на руки.

... А в доме, в ярком свете множества всевозможных лампочек, наше недавнее безумство выглядело немного по-другому - мы же почти друг друга не знаем! А я так вообще возможно замужем. А он? То, что в квартире никого, кроме него самого не было, не говорит о том, что жены не существует! Может она... может она в гости к родителям уехала! Или на море!

Саша поставил меня на ноги и развернулся, чтобы запечатать на замок дверь. И я, не теряя времени, понимая, что он вполне может захотеть продолжения, заплетающимися (не иначе как от усталости!) ногами поковыляла наверх, в ту комнату, куда он меня определил.

Только сон все не шел. Сначала просто ходила по спальне, включив маленькую настольную лампу, и рассматривала немногочисленную мебель, постеры, расклеенные по стенам - комната явно принадлежала мальчику-подростку. Это было понятно по изображениям на постерах - спортсмены, мальчишки на скейтах, велосипедах, сами эти скейты с разными логотипами.

А на одном... Я остановилась как вкопанная рядом... Длинный, уходящий в зал подиум. По обе стороны от него - множество красиво одетых женщин и их спутников в стро-

гих и точно очень дорогих костюмах. А по узкой, гладкой дорожке идут мужчины-модели, показывая коллекцию спортивной одежды.

Что-то смутно знакомое, что-то щемяще близкое почудилось мне в этом действе, в их грациозных фигурах, в восхищенных взглядах зрителей... Может, я была на таком показе? Может, ходила смотреть на коллекцию одежды какого-нибудь дизайнера? А вдруг я - фотограф? Или спортсменка? Мысль терялась, ускользала, словно змейка в высокой траве... И уже концентрировалась на змейке - откуда вдруг у меня такое сравнение появилось, неужели я змей видела... И я где-то в глубине души понимала, что была очень и очень близка к разгадке, но не смогла...

И что удивительного в том, что на новом месте после вчерашних размышлений мне приснилась змея? Ничего. Наверное, это вполне закономерно. Только змея эта была какая-то странная. Она опутывала меня своими кольцами, словно и не змея вовсе, а целая анаконда, и сдавливала, приговаривая при этом: "Тебе нужно только подпис-ать, и можешь с-считать с-себя с-свободной. Только подпис-ать..."

Проснулась я в холодном поту, вцепившись рукой в покрывало. Зная еще до того, как открыла глаза, что я - в безопасности, что я в доме Сашиных друзей и где-то рядом, в комнате напротив находится сам Саша.

Мое дыхание выравнивалось медленно, а на смену страху, который нагнал на меня сон, приходили приятные ощу-

ния - я вдруг вспомнила о вчерашнем поцелуе! И вкус Сашиных губ, и его запах, легкий и свежий, без перебора в количестве туалетной воды (как это ни странно, но я, оказывается, терпеть не могу, когда от мужчины концентрированно пахнет, когда брызгают до безобразия много и ходят потом, благоухая, как упавший и разбившийся флакончик) вдруг посудились так явно, словно он был где-то рядом. Пальцы здоровой руки прямо-таки чувствовали, как легко кололась в самые подушечки щетина на его скулах, по которой я гладила...

А стоило только закрыть глаза, и я могла представить себе, вспомнить ясно и четко, как его руки сжимали мои ягодицы, как ритмично подталкивали меня к себе... И я вновь отзывалась - внизу живота расплзалась приятная нега, хотелось сжать ноги и поерзать на кровати. Хотелось, чтобы он вдруг оказался рядом, чтобы сжал покрепче, чтобы поцеловал...

Я совершенно точно в прошлой жизни, той, что была до потери памяти, не была примерной девочкой, потому что знала, чего сейчас хочу. И представляла себе, что мужчина может сделать с женщиной...

14. Саша

Пачка сигарет быстро подходила к концу. Кто там собирался бросать? Кто не курил полгода... почти не курил? Закуришь тут!

Она спала. Я заглядывал в комнату, когда там затихли звуки ее шагов. Ночник все также горел на столе - не выключила - боится темноты. Не позволил себе подойти ближе - понимал, что могу напугать. Видел, чувствовал, что она, как нерв натянутый, как провод оголенный, только тронь - какая реакция будет, неизвестно!

Почему-то понимал ее... Я! Человек, который... Да вообще задумывался ли я когда-нибудь о чувствах женщин? Ну, разве что в юности, когда молодой, переполненный надеждами, планами, вернулся после армии в родной город. Когда встретил на дискотеке в клубе красавицу Лилечку, которую смутно помнил по школе. Тогда задумывался - сам влюбился и с ее стороны ответного чувства ждал. И все так замечательно складывалось - свидания там, страстные встречи наедине в квартире одного хорошего знакомого, предложение, подготовка к свадьбе. Кто же знал, что Лилечка окажется любительницей потрахаться с чужими мужиками? Кто же знал, что, напившись, моя красавица давала всем и каждому направо-налево? Трезвая-то она была скромницей и пайнкой, со мной-то полгода ломалась... Я уже перед свадьбой об

этом узнал. Сам увидел собственными глазами. Дружок подсказал, куда и когда подойти нужно, чтобы запечатлеть, так сказать, темную сторону моей невесты.

Увидел. Не понравилось. От баб надолго отворотило. Потом как-то обидно стало, как-то стремно - мысль засела в голове, что не хочу доедать за кем-то, не хочу трогать то, что до меня было в употреблении. Нет, физические потребности, конечно, никто не отменял. Но ведь, если очень пить хочется, попьешь даже из лужи. А вот чтобы в радость, в кайф, чтобы любить, не получалось. То ли бабы попадались сплошь на все готовые, сами на мой член запрыгивавшие, порой без приглашения даже, то ли я стал таким - никому не доверявшим, разочарованным, ждавшим подвох даже в самой прекрасной на первый взгляд женщине. Просто пользовался ими, с ужасом думая о том, чтобы пустить кого-то из них ближе, чем в постель.

А тут... Ася ведь кем угодно быть может! Чьей-то женой. Чьей-то матерью. Да даже проституткой в конце-то концов! Но вид этот ее невинный, взгляд этот - глазищи огромные, доверчивые, ресницы без краски, а словно тушью в пять слов накрашенные - длиннющие, загнутые к бровям... Гром услышала - перепугалась до смерти, задрожала вся. И ко мне жметя - к чужому, абсолютно незнакомому человеку. Ведь понятно же - защиту ищет, подсознательно спрятаться за моей спиной хочет. Как такую можно было таблетками травить? Она же в глаза взгляд бросит, а кажется в самую душу

смотрит!

Красивая. Смотрел на нее спящую и понимал - молодая совсем. Не для меня. Да и волосы, брови, кожа чистая белоснежная - синяк почти сошел, лишь чуть оттенял правый глаз - вся она была как будто из другого мира, тоненькая, хрупкая, ухоженная, несмотря на ногти поломанные, несмотря на синяки и ссадины, несмотря на испуг на лице... очень красивая.

Не для меня. Да только стоило глаза закрыть, я видел ее у себя на коленях - с широко распахнутыми черными в темноте глазами, с длинными густыми волосами, рассыпавшимися по спине. И ладошку ее все еще ощущал на своем лице, нежные пальчики, которые зачем-то... Благодарность за спасение? Просто порыв? Видно же, что она - импульсивная, чувственная. А может... может она всегда такая? С каждым? Но последняя мысль не желала задерживаться в голове - выбросилась тут же, словно такое быть правдой не могло!

Полночи курил на крыльце. Думал. Наворотил дел - выкрал чужую женщину! Что теперь делать со всем этим? Попал ты, Сашка! Попал крупно! Ее искать будут. Не зря держали взаперти, не зря травили. Уставший, вымотанный событиями этого бесконечного дня, с трудом заставил себя идти в хозяйскую спальню и, устроившись на небольшом диванчике - не смог себе позволить "осквернить" кровать, о которой так мечтал Пашка, мгновенно вырубился.

Ожидаемо снился секс. Ну а что еще могло сниться неудо-

влетворенному, заведенному по полной, мужику? Естественно с Асей. И так это было потрясающе, что проснувшись, я попытался нащупать ее рядом с собой, чтобы продолжить, чтобы...

В доме вкусно пахло. Тестом? Выпечкой что ли? Помывшись в душе, успокоив ледяной водой взбунтовавшееся тело, нашел в шкафу свободные штаны спортивного кроя, закинул на плечо черную футболку Логвинова и, вытирая на ходу волосы, отправился на запах.

Ася пекла оладья. Во вчерашнем халатике, с высоко поднятыми и завязанными узлом волосами. На столе уже стояла баночка варенья и мед, маленький заварочный чайник был накрыт кухонным полотенцем.

- Интересно, как ты смогла это все одной рукой сделать?

Она резко обернулась, роняя деревянную лопатку на пол. Я, естественно, согнулся, поднимая. И разгибаясь, конечно же, не смог удержаться. Ну это просто выше моих сил - не посмотреть на ее ножки в мягких тапочках, явно Кирюхиных - судя по размеру и виду - парень любит все яркое броское, носки вечно красные, розовые, желтые носит, футболки такие же. Вот и тапки... тоже. Хотя, если спросить у меня потом, позже, что там за тапки такие были, вряд ли смог бы ответить связно. Не на них смотрел, а на коленки гладкие округлые, на ножки стройные. И, протянув ей лопатку, развернулся было обратно в душ - хорошо ведь от возбуждения помогает, жаль не надолго...

- Саша, как ты думаешь, это очень некрасиво, что я копалась в холодильнике, в шкафчиках? - спросила, отворачиваясь к сковороде и не замечая произведенного на меня впечатления.

- Логвиновы переживут, не волнуйся. Не думаю, что Эмма из-за продуктов каких-то будет ругаться.

- Все равно некрасиво как-то...

- Я куплю и верну. Так тебя не будет мучить совесть? - стараясь не смотреть в ее сторону, уселся за стол, натягивая на себя футболку и открывая чайник.

- Будет, - Ася несмело обернулась и посмотрела на меня.

- Почему ты должен за меня платить? Ты и без того жизнью рисковал, когда меня спасал.

В другой раз, с другой женщиной я бы ответил так: "Рисковал. Конечно. Но ты можешь меня отблагодарить". Но с Асей язык не повернулся. И я ответил:

- Слушай, я ею больше рисковал ради кота блохастого, когда на верхушку дерева заползал, а с балкона на балкон это для меня так - цветочки.

- Ты спасателем работаешь? - и такое восхищение в глазах, что мне захотелось сменить профессию, стать одновременно спасателем, пожарным, кем угодно, лишь бы она вот так еще посмотрела.

- Нет. Я - электрик.

Восхищение в глазах почему-то не исчезло. Наоборот, добавился неподдельный интерес.

- Эле-ектри-ик! - протянула, размахивая лопаткой. - Но это же трудно. В школе мы целый год изучали такой предмет - электротехнику. Так я и не поняла до конца, куда и как ток идти должен, цепи там, диоды, переключатели... Ой!

- Что?

- Я прямо себя за партой увидела. И других девчонок... И мальчишек! Я, наверное, отличницей была...

- Ага, - мне хотелось подшутить над нею и я не смог удержаться. - По электротехнике точно двойка... А там, может, и по другим предметам не больше!

- Ах так, - несмотря на потерю памяти, чувство юмора Ася, похоже, не потеряла - улыбалась, делая лопаткой, точно шпагой, выпад в мою сторону. - Значит, оладьи мои тебе есть нельзя!

- Почему это? - возмутился я, уже протянув руку к пышным и румяным кружочкам.

- Потому что у нас ещё и кулинария преподавалась в школе. Это я еще утром вспомнила!

15. Ася

Все утро меня мучил вопрос - что думает Саша о нашем вчерашнем поцелуе? Я-то, например, ни о чем другом думать не могла. И размышления мои сводились к одному - как же мне понравилось... Как замечательно мне было в кольцо его рук! Словно я - маленькая девочка, которую стеной отгородили от всего мира, от зла и опасностей.

Но не только чувство защищенности влекло меня к Саше. Что-то другое, непонятное и незнакомое, что заставляло меня все утро бороться с настойчивым, по-детски глупым желанием смотреть на него, следить за тем, как он ходит, как говорит, как улыбается, как спит, в конце концов... подглядывать за ним!

И ведь я не удержалась! Выйдя из спальни, заглянула в ту комнату, где должен был расположиться Саша. "Просто понять, здесь он или уехал" - так оправдала сама себя. Но вранье, конечно, не для этого. Увидеть хотела.

Я понимала всю проблемность ситуации, в которую попала. Я страдала от отсутствия воспоминаний во-первых морально, в плане отсутствия знаний о близких людях, о родственных связях, которые несомненно у меня были, а во-вторых - физически, что выражалось в нехватке навыков, умений, о которых понятие имела, а воплотить в жизнь не могла, например, с трудом представляла себе процесс пригото-

ния пищи. Но при всем при этом вместо того, чтобы рыться в памяти и искать ответы на важные вопросы, все мои мысли занимал малознакомый, но жутко привлекательный мужик, который курил вкусные сигареты, обалденно пах и потрясаяще целовался.

И елки-палки... Лучше бы я проявила скромность и не заглядывала в хозяйскую спальню. Саша был в одних трусах! Покрывало свалилось на пол. Он разметался по узкому дивану, лежа на животе, - одна рука свисала вниз, почти касаясь длинного ворса светлого паласа, согнутая в колене нога чудом удерживалась на самом краю.

Это потом, к концу пятнадцатой минуты моего оцепенения я увидела, как мило растрепалась на лбу его челка, как красиво смотрятся татуировки на плече и шее, да, вообще, разглядела эти татуировки. Войдя, я смотрела совсем на другое.

На спину. Широкую, загорелую, с узкой талией и красиво очерченными мышцами, не раздутыми и огромными, а в меру... именно такими, какие, оказывается, больше всего нравятся мне.

На длинные ноги, сплошь заросшие светлыми волосками. На ягодицы... Блин... На задницу мужскую я пялилась десять из пятнадцати минут. И пришла в себя только когда почувствовала, как в уголке моего рта собралась слюна - вот извращенка! Ненормальная... Вот о чем ты думаешь только? Иди уже! Займись чем-нибудь полезным! Не стой столбом,

иначе когда Саша проснется, будешь выглядеть в его глазах настоящей дурочкой!

...Видно было, что хозяева не жили в этом доме, но собирались переезжать - был подключен и забит продуктами холодильник, на полочках красивой огромной кухни разместились крупы, варенья и соленья, приправы, кофе и чай нескольких видов, даже целая коллекция хлопьев, видимо, для каждого члена семьи покупалось именно то, что он любит. Я долго рассматривала чашечки с именами, любовно подобранные под цвет кухни, яркие полотенца, магнетики на холодильнике. А потом вдруг на полке увидела книжечку с рецептами, со множеством разноцветных закладок на разных страничках.

Рецепта оладий у Эммы не было. Просто листая ее кулинарный блокнот, я вдруг вспомнила, что из муки и яиц, имевшихся в наличии, можно приготовить вот такое вот элементарное и вкусное блюдо. И приготовила!

А теперь сидела напротив Саши за столом и вяло макала кусочек своего творения в варенье. Я не могла есть. Хотела, но не могла. Я могла только смотреть, как ест он. Смотреть на капельку меда в уголке его губ и сглатывать упорно заполнявшую рот слюну. Смотреть на его сильные ловкие пальцы, сворачивающие трубочкой мои оладьи и отправляющие в рот.

Он красиво ел - аккуратно и без смущения, с аппетитом и неторопливо, он абсолютно не стеснялся меня! А вот мне

теперь все время казалось, что движения мои неуклюжи - ну а какими они могут быть, если у меня сломана рука? Мне вдруг стало как-то неловко, неудобно при нем. Я не знала, как сесть, как поставить ноги, как вести себя под его изучающим взглядом. И это мое смущение перед мужчиной казалось мне самой несвойственным, не моим...

- Почему не ешь? Очень вкусно! - проговорил неожиданно он, облизывая пальцы.

И я зависла, не донеся до пункта назначения измазанный в клубничном варенье кусочек жареного теста. Проследила за каждым Сашиним пальцем, за тем, как он проводит кончиком языка по подушечкам, не обращая внимания на то, как капает на стол с моего оладушка.

- Что? Что-то не так, Ася?

Язык был быстрее мозга... к сожалению:

- Хочу тебя поцеловать...- ошарашила я его и себя саму...

- Что-о?

Теперь завис он, медленно опустив взгляд с моих глаз на мои же губы. Его глаза прямо-таки ощутимо темнели, и я, такая смелая и решительная, легко сумевшая произнести ЭТО, не могла найти в себе смелости, чтобы взять и сделать то, в чем так запросто призналась ему.

Рассматривала каплю варенья на столешнице барной стойки, по обе стороны от которой мы сидели и чувствовала, как постепенно лицо покрывается краской. Стало неловко и стыдно... Дура! Какая же я дура! Кто за язык тянул? Сидели

же, завтракали, все хорошо было... Позорище!

- Извини. Марк как-то сказал, что я всегда говорю то, что думаю. Видимо, так и есть.

Так и не дождавшись какого-либо ответа, встала, схватила свою тарелку и шагнула мимо него к раковине, удивляясь собственной глупости и опустив глаза, чтобы не видеть осуждения в Сашином взгляде.

И не дошла. За руку, за тарелку буквально, была притянута к нему, так и не сдвинувшемуся с места. Я не сильно-то и сопротивлялась, уступив, позволив забрать у себя несчастную посудину и поставить на стол. А потом он медленно, словно давая мне возможность взять свои слова обратно, поднял мою руку и, глядя в глаза, облизал мой палец. Гладким, влажным, горячим языком скользнул по подушечке. Потом второй... еще медленнее...

Внутри меня что-то дрожало и плавилось. Что-то горело и несло вскачь. Неужели это сердце выкидывает такие фортели? Неужели это я сейчас протискиваюсь между его ног? Вжимаюсь в него, обхватывая обеими руками, не замечая боли в загипсованной правой? Неужели я, сдавленно застонав, приникаю к Сашиним губам так, будто умру, если не поцелую?

И вчерашнее безумие повторяется снова. Он целует вовсе не ласково, а именно так, как хочу я - сильно, до боли прикусывает мои губы, бьется зубами о мои зубы, стонет вслед за мною то ли от боли, то ли от нереального убийственного

желания продолжить, перевести поцелуй во что-то более серьезное...

... - Ася, - Саша отрывается первым, обхватывает ладонями мое лицо, удерживает, заставляя посмотреть ему в глаза.
- Ася... Когда все вспомнишь, ты возненавидишь меня.

- За что? - искренне не понимаю я.

- Мы с тобой из разных миров, понимаешь? Тебе же лет двадцать всего, ты - красавица... Ты что ничего не видишь?

- Да что? Что я видеть должна? Ты мне нравишься. Мне нравится к тебе прикасаться, целоваться с тобой. Я не знаю, что там в моем прошлом, в моей жизни той, другой. Но я же вот она - здесь и сейчас живу. И здесь и сейчас меня к тебе так тянет, будто вот здесь у тебя магнитик вшит, - прикасаюсь к его груди через футболку, а потом касаюсь своей и продолжаю. - А вот здесь у меня... Я не могу этому сопротивляться. Это выше моих сил.

- Мне тридцать восемь...

- Плевать, - быстро касаюсь его губ своими губами.

Но вместо того, чтобы ответить мне, Саша почему-то говорит:

- Я - обычный человек, понимаешь?

- А я какой? У меня, что, две головы вместо одной?

- Чего ты от меня хочешь, дурочка?

- Тебя... - шепчу зачем-то, обиженная и расстроенная, чувствуя, как слезы поступают к глазам...

16. Саша

Замечательный принцип "То, что само идет в руки надо брать", с Асей не работает. Это одновременно смешно и грустно - Рожков превратился в моралиста и Рожков попал...

И что теперь? Трахаться только с ровестницами будешь? А как же Марина? Ведь тоже помоложе и значительно будет... Однако не думал об этом всего пару дней назад! Да и размышления в духе "Мы из разных миров" никогда раньше мою голову не посещали.

Но обычное, обыденное даже в чисто мужском коллективе моих горселей, слово "трахаться" по отношению к Асе звучало дико и мерзко. И мне было противно даже думать так, а произнести при ней, наверное, не посмел бы.

И ведь понимал, вопреки своей вечной грубости и цинизму, что Ася и Марина, вроде бы желавшие от меня одного и того же, не одинаковыми руководствуются мотивами, к разным целям идут!

С Маринкой мне все было ясно и понятно - она хотела переспать с мной с дальнейшими далеко идущими планами женить на себе. Я давно уже понял, что женщин за тридцать в нашей стране и конкретно в нашем городе куча, а мужиков, да еще и таких, как я - с нормальным заработком, с квартирой, с машиной, без жены и детей, очень и очень мало. Я понял это и привык к тому, что на меня то и дело открывают-

ся охота - мамыны подружки сватают своих дочек, племянниц, а иногда даже внучек, мужики на работе советуют подружек своих жен - чаще всего разведенки с парочкой спингрызов. И даже бабки, вечно сидящие на лавках у подъезда, откуда-то прошарившие, что я "один, как перст", предлагают свои услуги в качестве свах. Для Марины и множества других я давно стал объектом охоты, завидным женихом. И пофиг, что жених не миллионер, не владелец заводов, фабрик и пароходов, а обычный электрик!

Но Ася... Она другая. Я чувствую это. Я это вижу. И дело даже не в ее потрясающей красоте. Не только в ней. Она из тех, кто идя по улице в своем самом страшеньком платье, без косметики и прически, будет притягивать к себе взгляды всех - и мужиков, и женщин, и бабок-пенсионерок даже. Она из тех, кому будешь, сворачивая шею, смотреть вслед...

Она же чистую правду говорит! Её просто тянет ко мне! Физически тянет. Это очевидно. И взаимно. И когда на мой вопрос о том, чего она хочет, Ася обиженно и со слезами на глазах отвечает:

- Тебя...

Я знаю, что так оно и есть. Что этот факт, возможно, не радует ее саму, но он таков, а значит, скрыть его и соврать эта девушка, искренняя и честная, просто не может.

Что там, Сашенька, ты когда-то проповедовал? Женские слёзы это смешно, это - средство достижения четко продуманных планов? Зачем же тогда, не позволив Асе отстра-

ниться, уйти, ты ручищами своими, кажется, впервые в жизни, так нежно обхватываешь женское личико? Зачем целуешь ее мокрые ресницы? Зачем при этом дрожат твои пальцы? И почему соленый привкус ее слез кажется сладким...

И ещё... Почему умные слова, произнесенные хриплым шепотом, делают больно тебе самому:

- Ты вполне можешь оказаться чьей-то женой. И будешь раскаиваться в измене, когда всё вспомнишь. И ты не знаешь меня совсем.

А мерзавец в моей голове так же шепотом, только возмущенным, твердит: "Заткнись, идиот! Посмотри, как она подходит тебе - словно для твоих рук создана, словно вылеплена по твоим размерам! Чувствуешь, как сердце твое молотом стучит о грудную клетку от поцелуев только? Было у тебя такое когда-нибудь? И не будет с другими..."

- Тогда отпусти меня, - говорит Ася неуверенно и отводит глаза.

И отчего-то именно в этот момент в моей голове происходит короткое замыкание и, прежде чем снова припасть к ее губам, я твердо произношу:

- Не могу.

"Сволочь, бабник проклятый" - в первые секунды пытаюсь урезонить, остановить себя. А мое второе "Я" радостно отвечает: "Забудь и наслаждайся! "

И я наслаждаюсь. Целую, оглаживаю гибкую спинку, трогаю шею с завитками выбившихся из прически волос. И она

отвечает, прикрыв глаза и доверчиво прислонившись ко мне. И ее язычок в моем рту, ее вкус особенный, еще малознакомый, но уже распробованный, уже успевший понравиться, запомниться, сводит с ума.

Высокий барный стул обладает только одним недостатком - отсутствием спинки. Но зато ее бедра находятся ровно на уровне моего паха. И прижать ее, медленно сползшими в район упругой попки ладонями к давно уже ставшему каменным члену, это - удовольствие на грани с болью.

Я почему-то боюсь напугать. Поэтому долго кружу возле груди. Поэтому медленно тяну замок на халате. Поэтому отрываюсь от губ и сползаю по шее, трогаю языком мочку маленького ушка, пытаюсь восстановить сбившееся дыхание и немного успокоить пульс.

И когда все-таки спускаюсь к оголившимся холмикам, когда всё-таки упираюсь взглядом в небольшие, но аккуратные, красивой формы грудки с торчащими розовыми сосочками, забываю напрочь о благих намерениях и действую, исходя исключительно из своих собственных желаний.

А хочется мне сейчас - языком по этим вершинкам... А хочется мне втянуть в рот и пососать... А хочется мне сжать вторую ладонью, с удивлением понимая, как замечательно подходит она мне по размеру...

Словно сквозь вату я слышу Асино тяжелое дыхание. А когда она запрокидывает голову и громко стонет, притягивая мою голову за волосы еще ближе, я подхватываю ее на

руки и несу в спальню... На хозяйскую кровать, скорее всего уже испробованную Пашкой и Эммой. И мне сейчас глубоко плевать на этот факт и я совершенно не думаю, что оскверню их супружеское ложе.

А она по пути целует мою шею, поглаживает щеку, а пальчики правой руки ("которую беречь нужно" - проносится в моей голове) перебирают волосы у меня на груди... Свой путь я заканчиваю практически бегом...

- Ася, - шепчу, укладывая ее на сиреневое вязаное покрывало, распахивая халат и забывая, что хотел сказать дальше.

- Саша, - отвечает шепотом она.

И быстро сбрасывая одежду, я буквально впитываю взглядом каждый изгиб, каждую впадинку потрясающего по красоте женского тела, с еще не сошедшими синяками. А потом целую каждый из них, и те, что на бедрах тоже... И она ощутимо дрожит. И как-то вдруг, четко и ясно я понимаю, что все эти следы на ней, ну разве что кроме сломанной руки, они больше на насилие похожи, чем на удар машиной. Какая машина, если на внутренней стороне бедер тоже... Сука!

- Убью того, кто это сделал, - и появись он сейчас передо мной, я бы растерзал его голыми руками.

- Машина, - произносит она.

И я киваю, успокаивая себя мыслью о том, что сейчас ей лучше не помнить правды. И мне лучше, чтобы она ее не помнила...

17. Ася.

В его глазах перемешались жалость и страсть. И он смотрит на мое худосочное, некрасивое тело так, будто ничего совершеннее в жизни не видел! И я бы задумалась над этим несоответствием, если бы не это напряжение внизу живота, если бы мои руки не тянулись сами, без моего на то разрешения к его телу, если бы могла о чем-то думать, кроме как о том, что хочу его чувствовать кожа к коже, рядом, близко, во мне... Я хочу рассматривать его, распростертого передо мной, трогать, гладить, целовать...

А еще я хочу сказать, что никого убивать не нужно. Что мне сейчас хорошо, и я не хочу вспоминать... сейчас ни о чем не хочу вспоминать! Но говорю другое:

- Ты красивый. Не я. Ты - особенный, - и зачем-то добавляю, не понимая к чему и откуда взялось это желание. - Не отдавай меня никому...

И тянусь к нему, чтобы прижать к себе, чтобы притянуть к своим губам, но он отстраняет мою руку, осторожно укладывает вдоль тела. И целует каждую ссадину, каждый синяк, спускаясь вниз, трогает языком буро-синие пятна на моих бедрах. И во мне нет ни капли смущения, когда Саша широко раскидывает мои ноги и трогает там, между ними сначала пальцами, а потом, ровно в тот момент, когда я на секунду закрываю от удовольствия глаза, языком...

Он кружит там, раздвинув влажные складочки, лишь иногда проводя самым кончиком по бусинке клитора. Мои бедра дрожат. Мои руки дрожат. Во рту откуда-то появляется привкус крови, и я с трудом понимаю, что это из прокушенной губы, которую я сама, своими зубами... чтобы не кричать!

И разжав зубы, кажется, все-таки кричу, разбиваясь на осколки от сумасшедшего оргазма. А мгновение спустя, на секунду только успев обрадоваться приятной тяжести его тела, меня пронзает сильнейшая боль. Она словно на части разрывает изнутри. И Саша замирает во мне. И боль прекращается, медленно утихает, оставив отголоски.

- Блядь...- вовсе не ласково, а скорее раздосадованно и обидно для меня шепчет он. - Как? Как так? Ты девственница?

Смысла отвечать я не вижу. Но с интересом рассматриваю его лицо над моим - напряженное, с бьющейся на виске жилкой, сошедшиеся к переносице брови - злится, что я не сказала? И мне вдруг становится смешно. И сквозь смех я выдыхаю:

- Неожиданно правда? Сама в шоке...

Но он не смеется мне в ответ. Наоборот, хмурится сильнее и вдруг, глядя прямо в мои глаза, толкается в мое тело, глубоко и сильно, при этом глухо стонет и тут же резко подается назад.

- Нет! - позволить ему выйти, покинуть меня я не могу и, глупая, руками обхватываю узкие, жилистые мужские бедра

и тяну снова на себя, в себя... В ответ он буквально рычит, склонившись к моим губам, целует, повторяя языком у меня во рту новый сильный толчок.

И я, наконец, понимаю, что никуда он не уйдет, что это так нужно, что это - естественные движения, ЭТО так и происходит вообще-то... И мне не нужно так вцепляться в него! Но оказывается, именно это мне и нравится! И я провожу по твердой мускулистой спине, чуть впиваясь ногтями, сжимая и поглаживая, и со всей страстью целую его губы. И неожиданно понимаю, что при каждом толчке он трет-ся своим телом там, где недавно ласкал языком! И, замерев под ним, чувствую, как удовольствие, только-только схлынувшее, только-только оставившее меня, вновь загорается в моем теле.

- Тебе больно? - реагирует он на мой ступор, не прекращая своих движений.

- Не-ет, - тяну я. - Мне очень... очень... очень хорошо...

И в этот раз еще более мощная волна оргазма накрывает меня вместе с Сашей. И я не замечаю, как он выходит из моего тела и пачкает семенем мой живот.

... - Ты когда-нибудь занимался сексом с девушкой, у которой гипс? - заглядываю сбоку, расположив свой гипс на его груди.

- Дурочка... Я и с девственницей ни разу...

- Ха! Видишь, как сильно тебе со мной повезло?

Мне было хорошо. Мне было потрясающе хорошо. Мне

было весело. И я все никак понять не могла, почему он улыбается так грустно. Ему плохо со мной? Ему не понравилось?

- Вижу. В том-то и дело, что вижу.

- А давай повторим? - а что, я даже представила, как теперь уже Я буду рассматривать и ласкать его, как я буду целовать его член... И от таких мыслей саднящее ощущение внизу живота и между ног начало перерастать в желание.

Удивленный карий взгляд уставился в мои глаза:

- Ася! - Саша говорил так возмущенно, будто пять минут назад девственником был он, а не я! - Тебе нельзя так сразу. Я сейчас отнесу тебя в ванную и вымою. И хочешь плохую новость?

Я киваю, перебирая колечки светлых волос у него на груди и в ожидании этой новости с интересом заглядывая в его лицо.

- Тебе будет больно в следующий раз.

Испугал! Мне совершенно точно потом будет приятно! Поэтому я, словно безумно опытная женщина, со знанием дела снисходительно качаю головой, усмехаюсь и спрашиваю:

- А хочешь хорошую новость?

- Попробуй, - позволяет он.

- У меня совершенно точно нет мужа!

18. Саша

Это сложно описать словами. Невозможно объяснить и трудно понять. Я и сам не мог бы рассказать, что чувствую сейчас. Хотел ее снова? Точно да, даже больше, чем раньше. Потому что теперь знал, какая чувственная, какая нежная девушка мне досталась... Жалел о своем поступке? Однозначно да! Ведь очевидно, что она не просто не нашла подходящего мужика для лишения девственности, а берегла себя... для будущего мужа. Хотел ли, чтобы память к Асе никогда не возвращалась? И она оставалась со мной? Да-а-а, но... Но еще больше хотел, чтобы ей было хорошо. Вдруг, неожиданно, хотел, чтобы женщине было хорошо, даже если это будет мне самому во вред! А как ей может быть хорошо, если она ничего не помнит?

Почистив ванну, набрал воды, посидел на широком бортике, задумчиво опустив ладонь в быстро наполняющуюся емкость. И вернулся за Асей в комнату.

- Саша! - встретил меня на пороге Логвиновской спальни ее возмущенный голос. - Разве можно вот так ходить по дому? В чем мать родила...

Возмущаться возмущалась, а сама, бесстыжая, рассматривала и очень внимательно, при этом совершенно не краснея. И Рожков-младший легко ответил на призыв в Асином взгляде - выпрямился, гордо дернув головкой.

- Нравится? - спросил, проследив за ее жадным взглядом, забывая, что она - девчонка, что это я вот только что ее женщиной сделал...

- Очень. Потрогать хочу, - снова шокировала она меня своей откровенностью.

- Хм, тогда мы точно не помоемся...

Я попытался взять ее на руки. А она сопротивлялась! И тянулась к моему члену здоровой рукой! И я был готов (и даже очень хотел этого!) сдаться, но, тяжело вздохнув, все-таки перехватил игривую ручку.

- Почему? - припухшие губки обиженно надулись.

- Потому что, - ответил глубокомысленно, все-таки беря, как ребенка, на руки и целуя в лоб. - Вот скажи мне, как ты вчера умудрилась п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.